

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ ЛИТЕРАТУРЫ

Проклятые КРИТИКИ

Новый взгляд
на современную
отечественную
словесность

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРОМЕТЕЙ

Коллектив авторов

**Проклятые критики.
Новый взгляд на
современную отечественную
словесность. В помощь
преподавателю литературы**

«Прометей»

2021

Коллектив авторов

Проклятые критики. Новый взгляд на современную отечественную словесность. В помощь преподавателю литературы / Коллектив авторов — «Прометей», 2021

ISBN 978-5-00172-188-8

Сборник «Проклятые критики» объединил под одной обложкой нескольких уникальных авторов, которые смотрят на современный литературный процесс в России без ангажированных восторгов и розовых премиальных очков, оценивая тексты по гамбургскому счету. Их острый, доказательный, зачастую саркастический анализ сочинений, вошедших во все «шорт-листы» и объявленных чуть и не вершиной словесного творчества, заставляет переоценить многие навязанные нам «шедевры» и задуматься о том, насколько честна с читателями официальная критика. Этот сборник – первая, не имеющая аналогов, попытка обобщить альтернативный взгляд на нашу новую словесность. Книга будет полезна филологам, школьным и вузовским преподавателям литературы, а также всем, кто хочет самостоятельно разобраться в том, каких современных российских писателей действительно стоит читать и пропагандировать, а про каких достаточно знать, что они лауреаты «Большой книги» или «Букера».

ISBN 978-5-00172-188-8

© Коллектив авторов, 2021

© Прометей, 2021

Содержание

Об авторах	6
Новое платье отечественной литературы	12
Александр Кузьменков	16
Урежьте марш Шопена	16
Ольга открывает глаза	19
Прегрешения Алексея Варламова	21
Неукротимая Логорея	21
Кому лежалого товару?	22
Километры радиации	23
Хорошо подвязанный язык	23
Эпилог	24
«Большая книга-2020»: Товар для Кременчуга	25
«Большая книга-2020»: Мусорный Левиафан	28
«Большая книга-2020»: Инструкция по распилу опилок	31
«Большая книга-2020»: Я вам «чучу» отчебучу!	34
Посрамленный Эмпедокл, или Песнь тунгуса	37
Вам шашечки или ехать?	40
Этюд в кременьких тонах	43
Осетрина сорок второй свежести	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

**Проклятые критики. Новый взгляд на
современную отечественную словесность.
В помощь преподавателю литературы
Составитель Ю.М. Поляков**

© Коллектив авторов, 2021

© Издательство «Прометей», 2021

Об авторах

Кузьменков Александр Александрович (р. 1962, Нижний Тагил) – экс-прозаик, литературный критик.

Персонаж Высоцкого: матерщинник и крамольник. Родился мертвым, учился скверно, женился глупо. В силу перечисленных обстоятельств занялся изящной словесностью.

Проза его печаталась в Дании, Германии и Америке, однако на родине А.К. парадоксальным образом оказался никому не нужен. Историю своих отношений с отечественными издателями называет «хождением на три буквы». Накопив в себе, опять же по Высоцкому, заряд нетворческого зла, решил сублимировать его в литературной критике.

Как критик публиковался в российской и русскоязычной периодике на всем пространстве от Мельбурна до Чикаго. В 2016–2020 годах постоянно входил в десятку самых читаемых авторов «Журнального зала».

Морозов Сергей Борисович (р. 1976, Новокузнецк, Кемеровская область).

Литературный критик. Печатался в журналах «Литературная учеба», «Москва», «Нижний Новгород», «Традиции & Авангард», «Урал». Автор критических и публицистических статей в печатных и интернет-изданиях: «Литературная газета», «Литературная Россия»,

«Вопросы литературы» (рубрика «Легкая кавалерия»), «Rara Avis», «Свободная пресса», «Альтернативная литература». Ведет блог «Ода издыхающей лягушке» на канале «Яндекс.Дзен».

Уткин Константин Александрович (р. 1967, Москва).

Окончил Литературный институт (семинар Галины Седых, поэзия), хотя до этого поступал к Александру Рекемчуку (проза) Так же был в семинарах Николая Старшинова и Владимира Кострова. Состоит в Национальной Ассоциации Драматургов (НАД). Автор более десятка детективов (ЭКСМО, серия «Черная кошка»), трех книг под псевдонимом Константин Борзов (Серия «Собачья работа»). Работал в «Литературной газете» (Отдел «Литература и Библиография», колумнист), публиковался в периодике (от «Книжного обозрения» до «STORY»). Стихи (более пятисот) размещены, в основном, на хранилище текстов Стихи. Ру.

Сотрудничает с сайтом alterlit.ru, пытаясь изменить катастрофическую ситуацию в современном литературном процессе.

Кинолог, занимается прикладной дрессурой более тридцати лет. В этой области тоже есть книги.

Чекунов Вадим Владимирович (р. 1970, Москва).

Выпускник филологического факультета МГУ. Работал преподавателем русского языка как иностранного, редактором в издательстве «Популярная литература», руководителем направления в издательстве АСТ. В настоящее время – главный редактор в Alterlit Creative Group (AltCG) и в издательстве «Альтернативная литература». Стал известен широкому читателю после дебютной книги «Кирза», попавшей в лонг-лист «Русского Букера».

Циничный оптимист.

Основное увлечение – познание жизни.

Женат на китаянке и живет, по его словам, «между двух городов – Москвой и Шанхаем».

Ципоркина Инесса Владимировна (р.1965, Москва).

Училась в английской спецшколе, затем в Новосибирском Государственном Университете на факультете естественных наук. Окончила Московский Государственный Университет по специальности историк искусства. После защиты диплома поступила в аспирантуру Российского Государственного Гуманитарного Университета на кафедру источниковедения. Тема диссертации: «Интерпретация изобразительных источников общественным сознанием в эпоху викторианского возрождения второй половины XIX века». Написала и опубликовала 6 научных работ. Тем не менее в науку не пошла, потому что пошла в журналисты, а затем в писатели. За 10 лет работы журналистом было издано более 250 статей на различные темы, более 30 книг на тему популярной психологии, культурологии и социопсихологии.

Опыт литературной критики И. Ципоркиной прошел десятилетнюю шлифовку в личном блоге, формирование которого происходило под влиянием глубочайшего изумления от перипетий литературного и паралитературного процессов. С недавнего времени решила выступить как критик в сетевых литературных журналах.

Замлелова Светлана Георгиевна (р. 1973, Алма-Ата).

Окончила Российский Государственный Гуманитарный Университет (Москва). Автор нескольких книг прозы и публицистики. Кандидат философских наук (МГУ им. М.В. Ломоносова), защитила кандидатскую диссертацию на тему «Современные теологические и философские трактовки образа Иуды Искарота».

Новое платье отечественной литературы

Предисловие составителя

Отличительным и прискорбным признаком современного литературного процесса в России является почти полное отсутствие не только влиятельной, но и просто объективной критики. Представьте себе океанский корабль без компаса! Примерно то же самое. Ладно еще, если вместо Индии в Америку приплывет. А если на остров Черепов, где все давно уже друг друга съели?

Эта ситуация особенно удручает, если сравнивать ее с XIX веком, когда литературная критика в течение десятилетий была чуть ли не главным жанром нашей словесности, и не только по влиянию на процесс, но и по массовости тогдашней читательской аудитории, с нетерпением ожидавшей новых статей Белинского, Добролюбова, Писарева, Чернышевского, Дружинина, Страхова, Григорьева, Михайловского...

Впрочем, и в советские времена критик был ключевой фигурой, во многом определявшей положение дел на «литературном фронте». Глазами авторов разгромных или хвалебных статей смотрели на процесс в целом и на отдельных авторов не только читатели, но и власть, внимательно следившая за новинками литературы, понимавшая воспитательные и прогностические возможности изящной словесности, чего не скажешь о нынешних политиках, предпочитающих спорт. К литературе они относятся как к двусмысленной гомеопатии. И напрасно... Но когда они это поймут, будет поздно.

Советскую литературную эпоху во многом определяли такие критики, как Полонский, Воронский, Тынянов, Шкловский, Сурков, Абрамов, Макаров, Дементьев, Дедков, Ланциков, Лобанов, Бушин, Кожинов, Аннинский, Глушко, Мяло, Бондаренко и другие. Разговоры о тотальной беззубости и сервильности советских рецензентов – явное преувеличение, теоретические сшибки были не шуточные, и для тех же «неистовых ревнителей» закончились печально. Можно вспомнить и знаменитую дискуссию 1970-х «Классика и современность», до основ потрясшую литературное сообщество. Да, в ту пору споры велись на основе тогдашнего понятийного аппарата, насыщенного эвфемизмами, экивоками, отсылками к классикам марксизма-ленинизма, с учетом общеизвестных табу и неприкасаемых «священных коров». Но разве сейчас не так? Просто теперь иные термины, другие «священные коровы», похудосочней прежних, и новые табу, за нарушение которых, конечно, автора не посадят и не расстреляют, а всего-навсего объявят не существующим в литературе. Не лучше, чем сумасшедший дом для Хармса.

Сегодня, к сожалению, критика из влиятельного жанра превратилась в своего рода «золушку», которая за малую мзду до блеска начищает лауреатские значки авторов сомнительных сочинений. Кому-то покажется это странным, но весьма стесненные в идеологической самостоятельности, советские литературные «арбитры» и «рефери» в своих эстетических оценках были гораздо свободнее нынешних. В СССР для главного редактора (я это хорошо помню) одной из самых сложных проблем был поиск автора, которому можно заказать, нет, не разгромную, а положительную рецензию на очевидно неудачную новинку «классика соцреализма». Никто не хотел мारаться. Очередной отказ сопровождался примерно таким комментарием: «Нет, уж, увольте! Профессиональная репутация дороже!» Сегодня же мы имеем обратную ситуацию. Если продолжить сказочные аналогии, то современные критики мне напоминают толпу беззастенчивых льстецов, без удержу нахваливающих «новое платье короля», сиречь новинки литературы, которую не то, что читать, листать смысла не имеет.

Почему такое стало возможно в нашей культуре? Ведь нечто схожее мы наблюдаем и в театре, и в кино, и в изобразительном искусстве. Куда же подевалась профессиональная честь

и достоинство неподкупных «зоилов» и «аристархов»? Можно, пожалуй, выделить несколько причин оскудения и вырождения критической мысли в России. Назову их в порядке значимости.

Первая. Увы, она связана с презренным металлом. Литературная критика – ныне самый низкооплачиваемый жанр. Честным анализом текстов можно заниматься, только будучи обеспеченным и независимым человеком. А таких единицы. Гонорары в нынешних журналах и газетах ничтожны, смехотворны. А вот в «Литературном обозрении», например, в 1980-е за обзорную статью в пол-листа мне, помнится, заплатили около трехсот рублей, что равнялось двум средним месячным зарплатам.

Что же сегодня? Относительно приличные деньги нынче платят только крупные издатели за беззастенчивые рекламные тексты о книгах «проектных» авторов, да еще премиальные фонды – за раскрутку своих фаворитов. И то, и другое более имеет отношение к маркетингу, пиар-технологиям и манипуляции общественным сознанием, нежели к литературе. Но это еще не все: некогда влиятельная, литературная периодика ныне влачит жалкое существование, едва сводя концы с концами и ища материальной поддержки у тех же издательств и премиальных фондов. По этой причине критический материал о «раскручиваемом» писателе и его тексте, даже чудовищном, скорее всего, будет сразу же отклонен. Остается, разумеется, Интернет, но и тамошние крупные ресурсы давно вступили в договорные отношения с двумя вышеупомянутыми «операторами» процесса.

Вторая причина. Современная отечественная литература разделена на несколько закрытых идейно-эстетических групп, а точнее – «гетто». Такое сравнение я предложил в статье «Писатели и ПИПы» почти двадцать лет назад. ПИПы (персонифицированные издательские проекты), разумеется, возмутились, «операторы» навечно внесли меня в короткий «стоп-лист».

«Ага, – возразите вы, – вот тут-то, в суровой полемике с литературными супостатами, в противостоянии двух «гетто» и должно оттачиваться разящее критическое слово!» Увы, все совершенно наоборот. В ситуации жесткого противостояния о своих пишут только хорошо, а чужие произведения вообще не являются предметом чтения и разбора. Главное оружие современного группового критика – это не аргумент, не анализ, не сарказм, а замалчивание, причем, тотальное, самого факта существования оппонента. Грубо говоря, для почвенников не существует Бродского, а для западников – Рубцова. Отсутствие живого, сравнительного диалога, сопоставления художественных результатов приводит к оскудению обеих ветвей нашей словесности. Именно с этим связано резкое падение уровня нынешней отечественной словесности.

Третья причина, на мой взгляд, коренится в специфике постмодерна, а точнее, в так называемых принципах «нон-селекции» и субъективности восприятия «месседжа» «реципиентом». Навязано мнение, будто вообще не существует никаких объективных критериев оценки художественного, в нашем случае литературного, произведения. Все зависит от точки зрения и пристрастий «оценщиков», а точнее, от их ангажемента. Я называю это синдромом «черного квадрата», когда прикормленный искусствовед даже в кракелюрах, попросту говоря, в трещинках на красочной поверхности, от художника не зависящих, усматривает признаки «гениальности мастера». Собственно, современная критика, за редкими исключениями, о которых речь пойдет ниже, и является «похвалой кракелюрам». В результате, какой-нибудь беспомощный текст, осмеянный одними, – другими объявляется «новым словом в русской литературе». При этом аргументов друг друга критики не слышат, не парируют и не воспринимают, хотя очевидно, что первая позиция гораздо ближе к реальному уровню рассматриваемого опуса.

Повторю: сложившееся положение вещей губительно сказывается на уровне отечественной словесности, ибо, объявляя «шедевром» очевидную творческую неудачу, мы не только сбиваем с толку молодых авторов, искажая шкалу ценностей, но и расхолаживаем опытных литераторов, девальвируя само понятия «мастерства». Кроме того, в нелепом положении ока-

зывается читатель, он не может получить объективный отзыв о книге, которая ему всячески навязывается, в том числе и с помощью безосновательных премий, вроде «Букера» или «Большой книги».

Не позавидуешь тут учителям-словесникам и преподавателям высшей школы, не имеющим возможности опереться на консолидированное мнение «критического цеха». Ситуацию старается хоть как-то исправить академическая наука, но она традиционно – удел немногих: и в смысле написания трудов, и в смысле их прочтения. Сошлюсь хотя бы на усилия кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса МГУ, которую возглавляет доктор филологических наук М. М. Голубков. Но это, как говорится, капля в море.

Однако не все так уж безрадостно. В нашей критике есть все-таки авторы, которые стараются, вопреки навязываемой ангажированности, оценивать текущий процесс «поверх барьеров», что понастроены вокруг «литературных гетто». Да, такая позиция требует гражданской смелости и определенной жертвенности, чем, кстати, всегда и отличались настоящие власти дум от лукавых приспособленцев и профессиональных выгодополучателей. Задача данного сборника – познакомить читателей с творчеством честных критиков, тщательно замалчиваемых печатными СМИ, но зато известных в Сети, где их статьи вызывают восторг одних и проклятия других – тех, кого они задели в своих рецензиях. Отсюда и название книги «Проклятые критики». Оно, я думаю, у искушенного читателя вызовет соответствующие ассоциации, и не только с «проклятыми поэтами».

Четверо наших авторов, а именно: Александр Кузьменков, Сергей Морозов, Константин Уткин и Вадим Чекунов, – сформировали группу под названием «Новая критика». Их объединяет не только высокая культура, доскональное знание процесса, виртуозное владение словом, но и тот особый, разящий жанр, который они для себя избрали. Его, грубо и приблизительно, можно охарактеризовать как фельетон на литературную тему. Аналоги у нас в критике, конечно, были: достаточно вспомнить зубодробительные статьи молодого Чуковского. Добрый дедушка Корней был настоящим «Джеком-потрошителем» авторов начала XX века и пощады не знал.

Но, думаю, хлесткость, жесткость и доказательная непримиримость оценок «новых критиков» связана не с их личной злобностью, а с тем, что ложную иерархию современной словесности, лукаво и нагло выстроенную уже упоминавшимися «операторами» и хвалителям «нового платья», надо ломать безжалостно. И делают это авторы сборника виртуозно – только щепки летят. На месте иных лауреатов, попавших на острие их безжалостных перьев, я бы просто поменял профессию, настолько точен, доказателен и суров диагноз: бездарность, помноженная на дилетантизм. Но, увы, слишком многие авторы вообразили, будто диплом «Большой книги» – та самая «окончательная бумага», «бронь», которая спасет их, как профессора Преображенского, от уплотнения в литературном общежитии. Не спасет! И наша великолепная четверка это ярко и убедительно показывает.

Инесса Ципоркина, также представленная в сборнике, работает в другом, еще более редком жанре – она «критик критики». Ципоркина великолепно вскрывает механизмы создания ложных творческих репутаций и литературных фантомов, прослеживает, как личная, родственная, клановая или групповая заинтересованность заставляет авторов рецензий восхищаться беспомощными текстами и, наоборот, ругать, а чаще замалчивать по-настоящему значительные произведения. В экономике это называется «недобросовестной конкуренцией» и наказывается по закону. Читателю предстоит захватывающий и долгожданный сеанс разоблачения некоторых маститых околослитературных фокусников, а точнее, наперсточников.

Светлана Замлелова в своих статьях и книгах, широких по охвату, даже, я бы сказал, панорамных, стремится восстановить художественную и историческую справедливость, увязывая сегодняшний день нашей литературы с далеким и недавним прошлым. Она не боится, опираясь на новые данные и исторический опыт, всерьез переоценивать незыблемые, казалось

бы, авторитеты, даже те, которые, как Солженицына, уже успели отлить в бронзе и водрузить на постамент. Возможно, поторопились? А это уж вы сами решите, прочитав в сборнике работы Светланы Замлеловой.

Думается, эта книга будет полезна не только тем, кто преподает современную литературу в школе или вузе, тем, кто научно разрабатывает данную тему, тем, кто собирается пополнить редкие ряды честной критики. Сборник рассчитан и на обычных читателей, на тех, кто просто хочет разобраться, понять: какие писатели достойны внимания, а каких даже не стоит брать в руки, ибо к литературе они имеют такое же отношение, как Хлестаков к «Юрию Милославскому».

Надеюсь, сборник «Проклятые критики» – убедительное подтверждение того факта, что честно и бескорыстно о современной литературе писать можно. И должно.

Юрий ПОЛЯКОВ

Александр Кузьменков

Урежьте марш Шопена

М. Елизаров. Земля. М., Редакция Елены Шубиной, 2019

Итак, нацбестовский миллион достался Михаилу Елизарову. Маэстро, урежьте марш. Маэстро, вы не поняли: Шопена.

Тому есть как минимум две причины. Первая названа в издательской аннотации: *«Новый роман Михаила Елизарова “Земля” – первое масштабное осмысление “русского танатоса”*. Вторая... а вот с этого места подробнее.

Предыстория: Михаил Юрьевич вышел покурить на семь лет: с 2012-го по 2019-й – ни единого печатного слова. И ничего, отряд не заметил потери бойца. Фанаты на *guelizarov* тихо радовались новым шедеврам бард-панк-шансона: *«Тут проходил Кустирица, / Его<ensored>курица»*. И царил на земли мир, а во человецех благоволение: без вторичной вялости, трупной эмфиземы и разного прочего жировоска, взятого напрокат отчасти у Сорокина, отчасти в пособиях по судмедэкспертизе. Да не все коту масленица, случается и русский танатос.

Хотя начать, наверно, следует с хорошей новости: М.Е. перестал подражать Прилепину. Пропали дикие эпитеты: *«коряжистые ветки»*, *«упругая гипсовая мощь»*, *«дидактическая кишка»*. Ну, не совсем, если честно: *«горклый дух»* уцелел. Ликвидированы как класс громоздкие мертворожденные метафоры: *«Если допустить, что Машины зубы были напечатаны в таймс нью роман кегль двенадцать, то два заглавных ее резца были восемнадцатой верданой»*. Но выше задницы не прыгнешь: Елизаров остался сам собой – путает маникюр с лаком для ногтей и считает «пастораль» и «сельский пейзаж» синонимами. *«Кислый вакуум»* и *«провал беззубой щеки»* – это вообще пять.

А вот и второй повод исполнить *Marche funèbre*: уж если прозаик завалил экзамен по языку, то неизбежно завалит и все остальные: не освоив букваря, в университет не поступают – не видать вам, болезные, ни убедительного психологизма, ни квалифицированного сюжетостроения. А то и самой заваливающей идеи.

Строго говоря, «Редакцию Елены Шубиной» впору штрафовать на полмиллиона по статье 14.7 КоАП РФ «Обман потребителей»: русский танатос в «Земле» не ночевал. Зато есть тягучая, гудроновая экспозиция в 24 607 слов, из которой мало-мальское отношение к теме имеют два эпизода: как Вова Кротышев в детстве жуков хоронил, а в юности служил землекопом в стройбате. Есть подробная, в 3 666 слов, инструкция по отливке памятников из бетона и гранитного отсева: *«Если у тебя пятисотый цемент, то на центнер замеса надо брать двадцать пять килограмм пятисотого или тридцать четырехсотого, пятьдесят кило муки и десять кило речного песочку»*. Есть каталог похоронного бюро в 3 434 слова: *«Испанские гробы часто заказывал, итальянские – бук, орех. Чешские гробы. Хоть и сосна, но суперски обработанная»*. Есть еще одна инструкция по рытью могил в мерзлом грунте – 1834 слова: *«Земля на глубину штыка была черствой, следком, а дальше становилась по-песчаному податливой»*. Есть безразмерная, в 10810 слов, экскурсия по ритуальной конторе: *«Целую стену занимали погребальные урны: стеклянные, мраморные, бронзовые, глиняные, расписные, в строгих тонах и немыслимых вычурных цветов; урны под хохлому игжель, пивной бочонок и спортивный кубок»*. И так далее, вплоть до «Перечня документов, необходимых для выдачи тела из морга». На редкость увлекательный саспенс.

Не возьму в толк, на кой ляд публике этот 780-страничный путеводитель по ритуальному бизнесу? – ведь есть в природе «Смирненное кладбище» Каледина, написанное много раньше, короче (66 страниц!), а главное – несравненно лучше. После чего возникает соблазн немедленно отправить «Землю» в наш советский колумбарий. Воздержимся пока: а вдруг?..

Чтобы уберечь увлеченного читателя от полной и безоговорочной летаргии, добрый прозаик предусмотрел реперные точки. Ими служат лекции о смерти в свете воззрений Хайдеггера (Кьеркегора, Сведенборга, Шопенгауэра – нужное подчеркнуть). Или, на худой конец, самого Елизарова. По самым скромным подсчетам, это 22 239 слов, да каких: *«Труп есть отсутствие речи, но присутствие языка. Эта семиотическая дихотомия превращает труп в новый концепт смерти, которая прежде не имела пространственного и временного означаемого, но теперь обрела в языке – безмолвный труп и говорящее о смерти тело. Молчание становится говорением, и мертвец, по сути, сам становится универсальным языком, а кладбище – полифоническим текстом!»*

Не знаю, право, каким образом псевдофилософский онанизм в духе «Ученых записок Мухосранского педколледжа» соотносится с урнами под гжель и фурнитурой для гробов. Слова «идея» и «сюжет» означали бы незаслуженный комплимент автору, потому придется обойтись без них. Так вот, смысловая часть «Земли» даже на живую нитку не пришита к событийной – просто рядом валяется, как разрозненные детальки конструктора Lego. Читатель у нас давным-давно на самообслуживании – пусть себе забавляется любимой игрой в приращение смыслов: что соберет, то и будет.

Тут впору сделать паузу, скушать «Твикс» и растечься мыслью по древу русского танатоса. Г-н сочинитель, да не пугайте вы ежа голой жопой, а русского человека смертью. Она для нас не кошмар, а избавление от кошмара. Пушкин не зря призвал в союзники Петрарку: *«La, sotto i giorni nublioni e brevi, / Nasce una gente a cui l'morir non dole»*, – там, где дни облачны и кратки, родится племя, которому умирать не больно. Наши пословицы о смерти – верх циничного оптимизма: *«Помирать – не лапти ковырять: лег под образа да выпучил глаза»*. А с потусторонним миром у нас издавна мир-дружба-жвачка. Гоголя хоть вспомните: мертвый плотник Степан Пробка куда симпатичнее своего живого тезки Плюшкина. В советские годы взаимопонимание упрочилось до полноценного партнерства: *«Призрак бродит по Европе»*, *«Ленин и теперь живет всех живых»*, *«Ох, молодец этот самый усопший: / Не испугается и не соврет»*, *«И закусочка на бугорке»*. Короче говоря, Михаил Юрьевич, ваша по самые уши татуированная сатанистка может охрипнуть, выкликая с того света какую-нибудь нежить: *«О ты, Оседлавшая Обсидиановый Трон Козлица!»* Да мы-то твердо знаем: *«Наши мертвые нас не оставят в беде»*. Так что...

Простите, увлекся. Впредь обязуюсь. Вернемся к тексту.

Господа рецензенты поставили Елизарову в заслугу недюжинную наблюдательность и снайперскую точность тропов. Всей душой присоединяюсь. Особенно меня впечатлил вот этот пассаж: *«Бетонный пол выглядел старым и щербатым. Попадались странного происхождения круглые выбоины, будто кто-то ронял тут двухпудовые арбузы»*. Хм, Михаил Юрьевич, арбузы-то часом не из чугуна отливали?

Мастер арбузолитейного производства с тем же артистизмом отлил в гранитоплимере персонажей, один другого правдоподобнее. С татуированной и пирсингованной сатанисткой Алиной вы уже знакомы. Нет, к ней самой претензий никаких: типичная истероидная психопатка (почему-то у Елизарова других героинь не бывает). Вызывает ба-альшие сомнения место службы: Загорская городская администрация. Странное дело, обычно наши муниципалитеты чопорнее английской гувернантки. Или братьев Кротышевых возьмите. Старший – чисто конкретный пацан, две ходки: статья 206 УК РСФСР «Хулиганство» и статья 163 УК РФ «Вымогательство». А уж как вспомнит что-нибудь из Ницше... Младший образованием особо не изуродован, в анамнезе – полторы прочитанных книжки, но лексикон – на зависть Бурде с Вас-

серманом: метафора, аллегория, а то и вовсе Аякс Теламонид. За плечами у малóго три месяца занятий кикбоксингом в десятом классе, однако трех цириков заделал едва ли не на глушняк.

Типа, не совсем от мира сего, намекает автор. И впрямь, в финале по душу паренька являются два высокопоставленных москвича, от которых прет мертвечиной. Начинаются парламентского километража и парламентской тоски дебаты, где бесконвойный автор завязывает Ding-an-Sich и Dasein, дихотомию и гештальты гордиевым узлом, который не развяжут и доценты с кандидатами. Кротышева-младшего – то ли от паленого коньяка, то ли от елизаровских философских интоксикаций – накрывает череда ломовых глюков. Немного погодя inferнальные гости делают предложение, от которого невозможно отказаться: обучение на каких-то сомнительных курсах (явно чернокнижных), степень бакалавра и приличную работу – крематорием, к примеру, заведовать. Welcome to Hogwarts School, dear Harry.

Стало быть, продолжение следует.

Не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, какое именно. Елизаров отродясь не работал без соавторов. «Pasternak» был откровенной новеллизацией комиксов Кейна и Фингера. «Библиотекарь» напоминал «Банды Нью-Йорка» в постановке заводского драмкружка. «Мы вышли покурить на 17 лет» М.Е. писал как под диктовку Прилепина. Поэтому второй том «Земли» почти наверняка окажется пересказом пелевинского «Batman'a Apollo» – с нудными экскурсами в историю и теорию, с зубодробительными разъяснениями терминологии, с трехгрошовой мистикой... в общем, кто читал, тот меня поймет.

Маэстро, урежьте марш – ну, вы в курсе, да?

Ольга открывает глаза

О. Погодина-Кузмина. Уран. Роман-реконструкция. М., Флюид FreeFly, 2019

Что и говорить, свезло яхинской «Зулейхе», просто неописуемо свезло: и тиражи, и титулы, и переводы. Живо представляю, как Погодина-Кузмина, глядя на перманентный триумф коллеги, вздыхала: я, Вань, такую же хочу! Ну, вот вам и результат: эпическое полотно из жизни СССР, рассчитанное на титулы и переводы.

Судите сами. Поклон Эстонии: гордые лесные братья из Omakaitse. Реверанс евреям: лагерь «Клоога», где те самые герои из Omakaitse во время войны лихо уничтожали народ Израилев. Книксен «Мемориалу»: комбинат № 7 по переработке редкоземельных металлов в Силламяэ, на котором зэка ковали ядерный щит державы. Привет юнгианцам: мать-земля Маа, Ярило, Осирис с Анубисом и прочие архетипические бирюльки – мифопоэтика, куды не на фиг. Дань толерантности: запредельное количество голубых на квадратный метр – ЛГБТ хорошо продается, предупредили в «Эксмо». Ностальгия по Советскому Союзу: 1953 год, газировка «Дюшес», фокстрот «Цветущий май» и цветок душистых прерий – Лаврентий Палыч Берий. И так далее, вплоть до блатного романа: про сынка-вора да отца-начлага. В общем, классика сюжетостроения: всем друзьям по мере сил слоновьей кистью угодил. Кушать подано: ирландское рагу по рецепту Джерома К. Джерома.

Авторесса вынесла в подзаголовок слово «реконструкция» – стало быть, историческая составляющая есть наиважнейшая в тексте. Потому с нее и начнем.

На самом деле «Уран», под статью «Зулейхе», написан не по Антонову с Нефедовым, а по былинам сего времени. О.П. безупречна лишь там, где механически перечисляет детали: «Сормовская лирическая», панбархат-крепдешин, чулки со швом. Шаг влево, шаг вправо равны самоубийству.

«Ордынцы в войлочных шлемах, с красными нашивками на шинелях», – боец Погодина-Кузмина, смир-рна! Приказ РВСР № 116 читали? – шлем из сукна защитного цвета... Для особо понятливых повторяю: из сукна! Что за красные нашивки?! Постановлением СНК № 2590 для пехоты установлен малиновый цвет петлиц! Три наряда вне очереди! Ничего, зато ордынцы налицо – привет коллеге Яхиной.

«День занимался ясный, можно не зажигать керосинку», – вообще-то, керосинка прибор не осветительный, а нагревательный, сродни примусу и керогазу.

«Сам попросился занять должность освобожденного комсорга на Комбинате № 7», – Ольга Леонидовна, никак забыли юность нашу комсомольскую? Комсорг – выборная должность, согласно принципу демократического централизма, отраженному в Уставе ВЛКСМ.

«Ему дарили мелкие подарки – губную гармошку, флакон с остатками одеколона, давали пострелять из револьвера. Немцы стали его любовью», – помилуйте, из какого такого револьвера? Табельный короткоствол вермахта – пистолеты Walther P38, Luger P.08 да Sauer 38H.

«Прищелкнув каблучками, кивнул ему полковник Судоплатов», – а ничего, что перед арестом в 1953-м Судоплатов носил звание генерал-лейтенанта?

Особенно О.П. удались нравы преступного мира: я, мол, козырная марьяна – не работаю, по фене ботаю! И тиснула за стремного сявку. Он зеленый, как три рубля, полуцвет, к воровской хевре малолеткой в войну прибил, а вместо фени у него блатная музыка, с понтом еще при царе кандалы обосрал: *«к вечеру неси лары», «объявиться мосером»*... А как вся полнота воровскому закону присягала и месарь целовала – по сучьей-то моде, а? Короче, мара такой дешевый зехер двинула, что у контингента шнифты выпали. Но у нас фуфло не проканает, мы в сорок первом родились!

В очередной раз повторю: сценаристу в литературе не место. Ибо синема – плод коллективного труда, кто-нибудь косяки да отрихтует – не режиссер с актерами, так оператор с монтажером. А прозаик – один в поле воин. Тут и знания нужны на порядок выше, и владение языком не чета сценарному. Смешивать два эти ремесла, сколько помню, удавалось лишь Нагибину. Остальные выглядят более чем беспомощно. У Арабова первый ход в шахматах делают белой ладьей. Яхина – тут и синегрудая синица, и сало щепотками, и прочие чудеса в решете. Мещанинова искренне считает, что можно гулять с бутылкой коньяка в зубах. О.П. недалеко от них ушла.

«Легкая фигурка ее раздалась после беременностей, живот и груди стали тяжелые, словно налитые молоком», «на полу бьется в последней агонии могучее тело», – живот, налитый молоком и последняя агония – чего же боле? Плюс стопицот пошлостей, достойных девчачьего альбомчика 50-х: «Любовь распускалась в ее душе, будто нежный цветок», «лучистый, любящий взгляд»...

Как написан «Уран», вы уже поняли: «Зулейха» № 2, не более того. Попробуем разобраться, о чем написан.

Судя по заголовку, это производственный роман. Та-ак... голубцы имеются, лесные братья тоже, английский шпион присутствует, – но где обогащение урана? Бунин в подобных случаях ворчал на Катаева: когда ваш декоратор начнет писать декорации? Не начнет, не надейтесь. «Уран» – это вам не банальный U-235. Ольга открывает читателю глаза на архетипическую природу Советского Союза.

Мифологический Уран, изволите видеть, был отцом чудовищ – циклопов, сторуких гекатонхейров, эринний. Справедливости ради: Афродита – тоже его дочь. Рожденных им монстров Уран ненавидел и прятал во чреве матери-Геи. У О.П. то же самое. Роль эринний отдана героям из Omakaitse: *«Месть восстает из руин!»* Налицо урка по кличке Циклоп, равно и Афродита Пандемос – всесветная давалка Тася Котемкина. А гекатонхейров-пролетариев хочется немедленно упрятать куда подальше, лишь бы с глаз долой: *«Гуляла большая компания рабочих с Комбината. Плевали подсолнечной шелухой, булькали в стаканы самогонкой. Толстая рябая девка, кажется судомойка, выплясывала перед гармонистом. Ее пудовые груди под ситцевой рубашкой подсакивали, то разлетаясь, то стучаясь друг о друга».*

По сравнению с «Зулейхой» это несомненный шаг вперед. Яхина всего-то выстраивала параллель между трудовым поселком Семрук и птицей счастья Семруг, а тут – цельная, почти тай, держава вместе с ее обитателями вписана в мифологический паттерн... Ну вот, вы это знаете. И что, жить стало лучше, жить стало веселее?

После греческая мифология плавно перетечет в египетскую, а та невзначай обернется сказкой Андерсена о диких лебедях – полное и безоговорочное торжество дурной эклектики. Кстати, в роли заколдованных принцев выступают... Минута на размышление, время пошло. Правильно, крутые парни из Omakaitse.

И любопытно мне: а на кой черт вообще в «романе-реконструкции», по-людски говоря – исторической прозе, юнгианская хрень? Как она работает на сюжет? Тождество сталинского СССР и Урана что-то проясняет в природе культа личности? Анубис и Осирис открывают неизвестную страницу в деятельности Secret Intelligence Service?

Вообще, коллизии «Урана» могут развиваться в любых декорациях и с любой мифологической подкладкой. Перенесем действие на металлургический комбинат, а легенды... ну, пусть будут кавказские. Директор комбината легко станет богом-кузнецом Тлепшем, Тася Котемина – Шата́ной, которую все хотят, а шпион с оперативным псевдонимом U-235 – да явный же засранец Сырдон. И всех их расплющит жестокая эпоха – железное колесо Жан-Шерх...

Теперь на очереди самый сложный вопрос: зачем написан «Уран»? Сей басни какова мораль? Боюсь, ответ не известен никому, включая авторессу. Я не все упомянул ирландское рагу: в котел летело все, что оказалось под рукой – квир, лавбургер, шпионский детектив, соц-

реализм, магический реализм, семейный эпос... В общем, тотальная синергия жанров. При этом каждый жанр персонифицирован. Шпионский детектив – это комсорг Ремчуков, он же агент английской разведки, поклонник Гурджиева со товарищи и, сдается, шизофреник. За магический реализм отвечает тетка Зина по прозвищу Квашня, бывшая зэчка, а ныне пророчица-староверка – дивны дела твои, Господи! Семейная сага – эстонцы Сеппы: старшие ушли в лес, а младшая Эльзе разрывается между любовью к братьям-лебедям и русскому комсомольцу Павлику. Кому поручен квир, точно сказать не могу: едва ли не все мужское население Силламяэ подвержено содомскому греху – от инженера Воронцова до воренка Ленечки Мая.

Хористов среди персонажей нет – у каждого сольная партия. Но: чем больше в тексте сюжетных линий, тем труднее привести их к одному знаменателю в финале. Поэтому авторский, простите за матерное слово, мессидж размыт до полной неузнаваемости, цикл рассказов не становится романом.

Вот думаю: а что проку заниматься филологическими изысканиями на пустом месте? Ведь роман как таковой не входил в круг авторских задач. Цель, сколько могу судить, была иная: «Зулейха» № 2 со всеми вытекающими – номинациями, премиями, переводами. Ну и незачем судить погодинский опус по законам литературы.

А в паралитературе «Урану» место и без нас найдут.

Прегрешения Алексея Варламова

Откуда начну плакати днесь чужих окаянств? Кое ли положу начало нынешнему рыданию моему?..

Однажды А. Варламов объявил: *«Мне как автору очень не хватает нормального православного критика, точнее, именно священника, своего рода духовника для литературы»*. Зело уповаю, что искомый духовник рано или поздно найдется, поскольку поводов для покаяния у г-на сочинителя более чем достаточно.

Даждь ми, Господи, слезы, да плачется дел его горько...

Неукротимая Логорея

«При многословии не миновать греха, а сдерживающий уста свои разумен».

Притч., 10:19.

«Варламов излагает вязко и громоздко», – заметил Яблоков. Читатель, рискнувший открыть любой из варламовских текстов, тут же тонет в клейстере липкой риторике. Да не угодно ли причаститься? Впрочем, из чистого человеколюбия приведу не самый пространственный пассаж:

«Он рос в меру шаловливым, был трусоват, дурашлив и пуглив, любил фантазии и грезы, легко поддавался на розыгрыши, правильная сестра жаловалась родителям, что братец не дает ей делать уроки и у нее дико болит из-за него голова, вечно занятая мама, отрываясь от тетрадей с диктантами и сочинениями, ругала сына, когда он выливал из тарелки ненавистный суп с клецками или щи за массивный кухонный стол с тумбами, удачно скрывавшими следы обеденных преступлений, и вообще за плохое поведение, учила никогда не врать, не грубить старшим и не бояться возвращаться домой, буде вдруг потеряет деньги, смазывала пальцы на ногах холодным йодом, чтобы не завелся грибок, а еще читала наизусть сказку Маршака про глупого мышонка и Корнея Чуковского про тараканище и зачем-то шутя прибавляла, что никогда не отдаст его в интернат, из чего Колюня недетским умом заключал, что такое, значит, при каких-то условиях возможно, и боялся осиротеть» («Купавна»).

В здешней синтаксической топи отличник, и тот определенно захлебнется. Да что там синтаксис? – медаль тому, кто доберется до конца, не забыв при этом начала. Сложно, да – ибо от старта до финиша лежит дистанция в 143 слова. Но для А.В. это далеко не рекорд, – загляните хоть в «Мысленного волка»: от 200 и выше. А спасение утопающих – дело сами знаете чье. Кстати, все идейное содержание пухлого «Волка» (512 страниц, 442 грамма!) Алексей Н. Толстой уложил в полторы страницы пролога к «Сестрам». Что было вполне по-пушкински: точность и краткость суть первые достоинства прозы. Или, применительно к случаю, по-библейски: не мног во словесех буди. Однако отечественные издатели платят отнюдь не роялти, но архаичные построчные гонорары...

Кому лежалого товару?

«Преобразуйтесь обновлением ума вашего».

Рим., 12:2.

Многословие – симптом весьма дурной: если словам просторно, то мыслям наверняка становится тесно. Да и мысли-то, по чести говоря, большей частью найдены в чужих амбарах и сусеках. «Он пытается идти по всем проторенным дорогам», – писал о Варлаамове Басинский.

Напечатанная в 2000-м «Купавна» – гибрид семейной саги и Bildungsroman'a – опоздала как минимум на десяток лет. Тема книжки, изволите видеть, – девальвация советских идеалов. Мальчик Колюня свято верил в пролетарский интернационализм и бредил мировой революцией. Позже выяснилось, что уроки истории и обществоведения лицемерны, газеты лгут, а герои пионерской пропаганды скучны и бессмысленны. Ну, вы поняли: переоценка ценностей. Душа человеческая по природе своей патриотка и христианка, и потому Колюня из правого пионера превратился во вполне зрелого, патристически мыслящего, демократически настроенного и народолюбивого литератора (это все раскаты цитаты). В перестроечные времена таким сюжетам аплодировали до мозолей на ладонях. Но в момент издания «Купавны» духовная эволюция героя выглядела как механическая смена клише. Шило на мыло. Марксизм-ленинизм на православие-народность. Юного барабанщика на хруст французской булки. Не ясно, правда, чем граф Сергей Семенович лучше секретаря ЦК КПСС Михаила Андреевича. Сам Варламов не подскажет – не аналитик он по природе, а потому любая теорема у него выглядит аксиомой. Ведь упоительны в России вечера, не чета советским.

С «Мысленным волком» вышло и того хуже. А.В. затеял писать роман о Серебряном веке, своего рода беллетризованное послесловие к биографиям Пришвина, Распутина, Грина и Платонова, вышедшим в серии «ЖЗЛ». В итоге рецензенты вяло разгадывали биографические и ономастические ребусы: Пришвин вполне узнаваем, Платонов – несколько хуже, а зачем автор Ницше Нитшем обозвал? Стало быть, иной предмет для обсуждения отсутствовал. По Варламову, Серебряный век был следствием нищезанятия: «*Нитцшевская зараза прошла по Руси, одурманила ее, притупила чувствительность и осторожность, а потом обварила кипятком, кислотой соляной и медью расплавленной*». Ой, девочки, как страшно жить... Для обозначения духовной порчи, поразившей нацию, автор заимствовал образ в одной из молитв Иоанна Златоуста: «*от мысленного волка звероуловлен буду*» – отсюда и название. Строго говоря, несправедливо было бы винить во всеобщем падении нравов одного Ницше-Нитца. Тут и Шопенгауэр с Кьеркегором старались, и Бодлер с Верленом, и Уайльд с Гюисмансом, – словом, вся мировая закулиса руку приложила. Впрочем, вопрос «кто виноват», по большому счету, не актуален. Гораздо любопытнее, почему ереси растленного Буржуинства как нельзя лучше прижились именно на русской почве, отчего именно в России декаданс из эстетской забавы стал образом жизни, – но в «Мысленном волке» об этом ни слова. Вообще, автор не

интересовался ничем, кроме волчьей метафоры, старательно размазанной на полтыщи страниц: фабула, задавленная пудовыми монологами о судьбах отечества, околела во младенчестве, звероуловленные герои были брошены за ненадобностью. Второй идейный центр романа – образ отроковицы Ули, опять-таки до оскомины метафорический. Барышня на протяжении всей книги сосредоточенно решала, какому б чародею вручить разбойную красу: то ли Распутину, то ли Легкобытову-Пришвину, то ли Круду-Грину... В финале Улю изнасиловали пьяные красногвардейцы; аллегория насколько прозрачная, настолько и банальная. Поруганная девица готова была руки на себя наложить, но узрела в небе крест, а немного погодя страдальицу увела с собой нищенка в грязно-розовой накидке, – розовый цвет символизирует постоянное присутствие Богородицы на земле: в скорбях, болезнях и искушениях. Mater Dei ex machina, – комментировать эту плесневелую банальность нет ни сил, ни желания.

Трюизмы, парафразы, реминисценции – традиционный варламовский материал. *«Все это, в сущности, так похоже на матушкины литературно-художественные композиции» («Купавна»)*, – право, авторское признание дорогого стоит...

Километры радиации

«В слове познается мудрость и в речи языка – знание».
Сир., 4:28.

Лишний повод для покаяния – анахронизмы и нелепицы, достойные второгодника.

Начем с мелочи: фамилия гриновского героя «Шамполион», считает А.В., *«несколько напоминает имя известного французского императора»*. Хм. Сдается, тут уместнее было бы вспомнить о египтологе Шампольоне, дешифровщике иероглифов. Но это и впрямь мелочь на фоне прочего.

Варламову ничего не стоит разжаловать генерального секретаря ВАППа Сутырина в рядовые деятели РАППа, перекрестить Отто Вейнингера в Веннингейнера и приписать Ларсу фон Триеру фильм «Довгиль» («Андрей Платонов») – каково? В «Мысленном волке» расстояния отчего-то измеряют километрами, а большевик-нелегал с партийной кличкой Дядя Том пророчествует о Второй мировой, походя поминает радиацию и цитирует «Неуловимых мстителей», даром что на календаре 1914 год. Как-то несерьезно для доктора наук, знаете ли...

Хорошо подвязанный язык

«Удар бича делает рубцы, а удар языка сокрушит кости; многие пали от острия меча, но не столько, сколько павших от языка».
Сир., 28:20–21.

Чем А.В. бесповоротно усугубил вину перед отечественной словесностью – так это своим затейливым изводом живаго великорусского.

Разговор о варламовском стиле удобнее всего начать с варламовской же цитаты: *«У него был хорошо подвязан язык, и он умел произносить зажигательные речи» («Александр Грин»)*. Хм. До сих пор залогом красноречия считался хорошо подвешенный язык, – но попробуйте-ка поговорить с подвязанным...

Варламов-прозаик по-школярски прилежно копирует классиков второго ряда, вроде Шмелева или Зайцева, время от времени позволяя себе бунинско-тургеневские аллюзии, – то флейта слышится, то будто фортепьяно. Но это зло не так большой руки: кто из нас Богу не грешен да царю не виноват? Зато Варламов-биограф – явление воистину феноменальное. Ибо изъясняется так, будто язык у него намертво завязан рыбацким штыком, самым надежным из морских узлов:

«Молебен о ниспопслении дождя» («Андрей Платонов»).

«Главного читателя Советской страны начало натурально корежить» (Там же).

«Дальше вырытых и усеянных трупами строителей ям под фундамент домов будущего дело не пойдет?» (Там же).

«Воронежский журналист был электрически сражен» (Там же).

«Машинизированные <видимо, перепечатанные на машинке – А.К.> копии» (Там же).

«Симон Сербинов овладевает на могиле своей матери телом Сони Мандровой, а потом приходит в Чевенгур и обретает в нем конец» (Там же).

«В зашкаленности оно <платоновское перо – А.К.> не приближалось к тому пределу, за которым наступает бессилие слова» (Там же).

«Взметнувшись в самый верх в 1920-е годы, вопрос веры остается раскаленным по сей день» («Михаил Булгаков»).

Эффект зашкаленности по силе своей равен боевым отравляющим веществам нервно-паралитического действия. Электрически сраженного читателя натурально корежит, и нет у болезного иной надежды, кроме молебна о ниспопслении конца этим мукам...

Раскаленным остается взметнувшийся в самый верх вопрос: отчего Варламов-прозаик вдесятеро грамотнее Варламова-биографа? Что за раздвоение личности? Ларчик открывается просто: редакторы в «АСТ» явно профессиональнее своих коллег из «Молодой гвардии».

Парадокс, но при всем при том А.В. – лауреат 11 литературных премий, от «Антибукера» до «Студенческого Букера». Более того, носит громкий титул «Писатель XXI века». На язык просится еще одна библейская цитата: *«Ниже самому мудрому хлеб, ниже разумным богатство».*

Эпилог

*«Если есть порок в руке твоей, а ты удалишь его и не дашь
беззаконно обитать в шатрах твоих, то поднимешь незапятнанное лице
твое».*

Иов, 11: 14–15.

У многообразных филологических прегрешений А.В. есть одна-единственная причина: он не писатель, а профессиональный читатель, литературовед – то есть, как известно, любит литературу без взаимности. Ситуация, знамо, тяжелая, но не безвыходная. Ибо деятельное раскаяние есть смягчающее обстоятельство – и с юридической, и с богословской точки зрения.

Господи, покаяния отверзи двери рабу Твоему Алексею...

«Большая книга-2020»: Товар для Кременчуга

С. Синицкая. Сияние «жеможаха». СПб., Лимбус-Пресс, 2020

Прискорбное обстоятельство: София Синицкая родом из Питера. Не в первый раз говорю: Санкт-Петербург для современного литератора – не место жительства, но диагноз. Если точнее, свидетельство о профнепригодности. Что бы ни писал Владимир (не путать с Виктором!) Топоров о петербургском тексте, тамошняя изящная словесность стоит на трех китах. Это: а) полный и безоговорочный аутизм – автор тихо сам с собою, а на читателя ему плевать; б) завитки вокруг пустоты – сюжеты и проблематика высосаны из пальца, чтоб не сказать хуже; в) летальная доза литературщины в виде цитат, аллюзий и парафраз.

Три повести, сияющие жеможахом, выкроены как раз по этим лекалам из ветхой дерюги российского соц-арта. И се зело прискорбное родословие их: Войнович родил Пригова и Бенигсена, Пригов и Бенигсен родили Синицкую. Короче говоря, до мышей...

Необходимый культурологический экскурс: соц-арт был отрывкой интеллигенции, которую до оскомины перекормили соцреализмом. Настоятельно прошу не путать соц-арт и социальную сатиру. Сатира – реакция на действительность, соц-арт – на эстетические феномены. Внетекстовая реальность для него отсутствовала, сказал бы Деррида. Едва лишь соцреалистическое искусство перекочевало в разряд антиквариата, соц-арт немного поупрямился для приличия и также испустил дух. Ибо магия пародии, по слову Бахыта Кенжеева, зависит от наличия первоисточника, на худой конец – от памяти о нем. Кто, кроме диссертантов, помнит... ну, к примеру, Саянова?

Но наша Софа – вейз мир, она таки помнит! И советское житье-бытье помнит. Точнее, делает вид. Кстати, очень неумело. «Фасолевая тюрка» и «дровяная печь» говорят сами за себя. Шейфалэ, чтоб вы так знали, тюрка – это хлебная крошка, а печь любой конструкции можно топить хоть дровами, хоть торфом, хоть углем. Но лучше всего – «Жеможахом».

Желаете убедиться? С этим, простите, проблемы: тексты категорически не поддаются пересказу. Хотя есть паллиатив – цитата для дегустации и по совместительству не то спойлер, не то конспект романа:

«Храброе немецкое войско вступило в проклятые земли, кишмящие нечистью, которая помогает партизанам; по лесу бегают упыри, женицины сожительства с дьяволом, от этого союза рождаются оборотни-диверсанты... скоро, скоро случится Рагнарек, конец света – волки Фенрир и Хати пожрут месяц, солнце, Старое Свинухово и Холуи, из глубин Полы всплывет вуивр Ермунганд и разрушит среднюю школу Кневицкого сельсовета».

Ну, вы поняли: смешались в кучу кони, люди. Сюжет каждой из повестей дробится на микросюжеты, а те рассыпаются в пыль. Но кое-что, думаю, все-таки следует обозначить. Вот несколько линий из «Системы полковника Смолова и майора Перова». Ручной удав Машенька во время ленинградской блокады охотится на крыс. После войны Машеньку, она же Мария Удавченко, награждают медалью «За оборону Ленинграда» и грамотой «За отличную работу по укреплению санитарной обороны СССР». Полковник Смолов и майор Перов обретаются на том свете в образе Отца и Святого Духа. Раньше вместе с безымянным Сыном они составляли особую тройку. Однако Сын сознательно извращал советские законы мироздания и фальсифицировал следственные документы, чтобы спасти своих соучастников по антисоветской деятельности. За что был вычищен и отправлен в исправительно-трудовой лагерь, где работал завхозом, снюхался с уголовниками, был записан в штрафной батальон и перешел на сторону врага. В каковой связи тройку пришлось ликвидировать. Мертвый капитан НКВД Калибанов, расстрелянный за неадекватность и самокопание, геройствует на Волховском фронте... Хватит или продолжить?

Виктор (не путать с Владимиром!) Топоров в таких случаях ехидно интересовался: о чем это? а, главное, зачем? И впрямь: зачем? – ребус на зависть старику Синицкому. Ибо соц-арт есть инструмент разрушения чужих эстетических конструкций. Но создать свои он фатально не способен.

К месту будет еще один культурологический экскурс. Соц-арт, по определению теоретиков, отрицает любой диктат, в числе прочих – диктат этических и эстетических конвенций. Следствием, как правило, оказывается высокой пробы дурновкусие. Чаша сия не минула ни отцов-основателей Алешковского и Войновича, ни детей их Бенигсена, Пригова и Куркова – кто читал, тот меня поймет. И С.С. – далеко не исключение:

«Отче наш, иже еси на небеси, спустишь на землю и отсоси!»

Видимо, статья 148 УК РФ не для всех писана – но это так, к слову.

Кроме того, в соц-арте рано или поздно случается неизбежное – сочинителя заносит в зону, наглухо закрытую для смехуечков. И начинается black comedy самого скверного свойства. Бенигсен, к примеру, в духе незабвенных садюшек, с причмокиванием живописал кирдык, который беглые урки устроили вермахту: с отрезанными<sensored>, с выхлопной трубой в заднице рядового Швебера... Синицкая добрую сотню страниц хихикает на тему блокады:

«Оказалось, что Анна Гермогеновна мародерствует в морге под открытым небом на улице Репина, ворует у мертвецов пальто и галоши. Хорошо еще, что Вера Сергеевна не знала, что творится на чердаке, где мама расхищала социалистическую собственность, цинично распиливая деревянные перекрытия. Явилась наводить порядок заступница-Машенька, но коммунистка так страшно застучала ломом, что змея решила сдаться без боя: схоронилась под буфет, там, почувствовав расстройство, малодушно наложила кучу с крысиной шкуркой».

Воля ваша, но это уже к одиннадцати туз. Впрочем, в «Лимбусе» на сей счет явно другое мнение.

Ну и литературщина, как же без нее? – питерцы завсегда хотят образованность показать, это их вундерваффе, ибо другого трагически нет. С.С. твердой рукой очертила свой кругозор – от «Пошехонской старины» Салтыкова-Щедрина («Что такое “жеможаха?”») до «Чжуанцзы» (балерина с даосской фамилией Полутень). Никто не забыт, ничто не забыто: тут и Эдгар По с «Системой доктора Смоля и профессора Перро», и заплыв на гробах, взятый напрокат у Бенигсена в «Чакре Фролова».

Любопытная деталь: две повести из трех жеможахнутых вышли ранее все в том же «Лимбусе». Народ безмолвствовал. Но нынче, как по команде, грянул повальный восторг – с чего бы?..

Хромая на обе ноги философия образованца Снегирева: «Читателю “Жежомахи” открывается очень важная вещь – природа формирования взгляда на событие со стороны. Как с умершими близкими, образ которых со временем приобретает причудливые черты. Как с историческими личностями, обросшими небылицами, как днище корабля ракушками. Парадоксальным образом рождается в итоге общемировая правда. Не суверенная история, не археологические теории, а нечто надматериальное и общечеловеческое». Ну, ясен пень: близкое знакомство с Пустовой – занятие травмоопасное и даром не проходит. Мужик, ты с кем сейчас разговаривал? Сам-то хоть понял, что сказал?

Заливистая рулада заводного соловья Толстова: «Это стопроцентно, до последней буквы питерская проза, где Гоголь раскланивается с Достоевским, Хармс (не придумал, что там делает Хармс, но что-то делает, точно), и все вокруг предстает как материал для тончайшей иронии». Тончайшая ирония, это да. Сделает честь любому сельскому кавээнщику. Высшее Северное руководство управления лагерей, сокращенно ВСРУЛ – смешно до слез. Село Херово – и того смешнее. Чекист Тихогнидов – ржунимагу.

Софочка, зискейт, я вам уважаю, но это не цимес мит компот, это дрек мит фефер. Ваш товар для Кременчуга, и ни копейки больше – нит гештойген, нит гефлойген...

«Большая книга-2020»: Мусорный Левиафан

Ш. Идиатуллин. Бывшая Ленина. М., Редакция Елены Шубиной, 2019

Важнейшим из искусств для нас является кино, потому что оно доходчиво до малограмотного пролетариата и неграмотного крестьянства. Важнейшим из кинематографистов для нас является Звягинцев, потому что лепит комиксы, доходчивые даже до имбецилов. Муляжные кости синего кита на берегу – понятно: государственный Левиафан подох и сгнил. Марьяна Спивак в олимпийском костюме с надписью «Russia» топчется на тренажерной дорожке – тоже не бином Ньютона: Роисся вперде. Готовое руководство к действию, внедрять отсюда и до отбоя. Ну, вы помните: Сенчин с «Зоной затопления», Ганиева с «Оскорбленными чувствами». И примкнувший к ним Идиатуллин.

Его последний опус – точно такой же комикс: улица, где живут герои романа – бывшая Ленина, теперь Преображенская. Сюжет вертится вокруг земель совхоза «Новая жизнь», на которых нынче расположилась несанкционированная свалка. Здание городской администрации именуют Желтым домом. Что не ясно?

«Бывшая Ленина» явно написана спринтерскими темпами – по горячим следам скандала в Шиесе. Социальный заказ: утром в газете, вечером в куплете, а промедление смерти подобно. Но книга – товар скоропортящийся, а слегка беллетризованная публицистика – так и вдвойне. Конъюнктурная составляющая успела выветриться еще по пути в типографию, и судить о тексте приходится по художественной – куцей, откровенно вторичной и недостоверной.

Вот с достоверности и начнем. Место действия – уездный городок Чупов, где одно за другим закрылись все градообразующие предприятия – кондитерская фабрика, птицефабрика и механический завод. Казалось бы, проблемой номер один для чуповцев должна быть борьба за выживание. Ан нет, все от мала до велика вусмерть озабочены экологией: не иначе, протестами сыты. Активисты легко поднимают на митинг аж три тыщи человек – а это, чтоб вы знали, без малого пять процентов населения; не верю, сказал бы Станиславский. Выборы в городской Совет проходят со столичным размахом – с черным пиаром, всевозможными инсценировками, псевдосоциологией и руморологией... Господи, да откуда же на это деньги в нищем городке? Вопрос со свалкой в исторически обозримый период не решить, – но все рвутся на расстрельную должность городничего, будто там медом намазано. Студент, торгуя китайскими смартфонами, заработал на новую «бэу» – без комментариев... В эфире программа «В гостях у сказки» – здравствуй, дружок!..

Ну, вы в любом случае поняли: в центре повествования мысль народная: *«Мы – свалка. Для них мы – свалка. Запомни»*. Мусорный Левиафан, отождествленный с властью, превращает в мусор человеческие жизни. Этот тезис автор то и дело подтверждает библейскими цитатами: то из апостола Павла: *«Мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый донныне»*, то из пророка Михея: *«Страна сия не есть место покоя; за нечистоту она будет разорена»*. С мыслью народной соседствует мысль семейная: все несчастливые семьи несчастны одинаково. Идиатуллин, вопреки классику, попытался возлюбить обе мысли разом. *Ménage à trois*, знамо, не задался – а у кого он задался? Тем паче, объединить две темы Ш.И. попытался весьма традиционно: бывшие супруги оказываются по разные стороны баррикад – он баллотируется в мэры, она уходит в оппозицию. Что-то подобное пытался проделать Шаргунов в «1993». И с тем же примерно успехом.

Полноценных героев в книге нет. Как заметил коллега Морозов, *«с героями надо что-то делать. Их должны подводить под статью, убивать, насиловать, они должны побеждать, вести за собой, строить и любить»*. Но вместо этого Ш.И. выводит на сцену труппу полупарализованных бездействующих лиц, у которых худо-бедно работают лишь гениталии. Зато

речевой аппарат гипертрофирован до неприличия, как у ведущих «Эха Москвы». И взгляды примерно те же: *«С властями похожая ситуация: никто в здравом уме и твердой памяти не будет воспринимать их как что-то, к чему следует прислушиваться, чем можно наслаждаться и что можно добровольно, тем более за свои деньги, выбирать и принимать. Они бессмысленны и беспощадны. Но именно они решают, что мы слушаем, что показывают в телевизоре, кому, сколько и когда мы платим, что мы едим и носим, с кем мы воюем и кого ненавидим, почему мы остаемся без денег и работы, на каком свете мы живем и так далее».*

Впрочем, привилегия высказываться дана лишь нескольким персонажам. У остальных (а их для 480-страничной книжки порядочно – полсотни, не считая безымянных) миссия куда скромнее: высунуться из-за кулис, а там – давай, до свидания! Напекла бабушка сыну с невесткой пирогов – в морг ее. Понравился девке симпатичный студент-химик – и его туда же. Трагедии и мелодрамы, по Роберту Мак Ки, случаются не от избытка экспрессии, а от недостатка мотивации. Проще говоря, девать болезных куда-то надо, но куда? Дешевле убить, чем кормить. Самое интересное, что в финале автор отправляет тем же маршрутом и главную героиню – видимо, и для нее не выдумал ничего более существенного и логичного.

Да, о финале, ибо конец – делу венец. Ток-шоу завершилось, запас библейских эпиграфов исчерпан, бездействующие лица частью мертвы, частью брошены за ненадобностью... Что в сухом остатке? Практически ничего. Кто виноват, понятно и без Идиатуллина, а что делать, он и сам не знает. Сага про мусорного Левиафана внятной коды не имеет: *«У нас пополняемое месторождение мусора, этого не изменишь. Сопротивление бесполезно. Осталось разбегаться. Или превращать свалку в нормальный ресурс».* Ну, и зачем было огород городить – печь пироги, затевать адюльтеры, водку жрать, народ на митинги поднимать, провокаторов внедрять?..

Идиатуллин, выпускник журфака и руководитель региональной редакции ИД «Коммерсантъ» не может не знать старое журналистское правило: идея текста считается проработанной лишь тогда, когда укладывается в сложноподчиненное предложение с придаточным причины. Всегда привожу грубые, но показательные примеры: репку вытащили, потому что трудились сообща, а Колобок погиб, потому что был самонадеян. Но попробуйте проделать подобную манипуляцию с «Бывшей Ленина», и убедитесь, что роман ей категорически не поддается. И зачем в итоге это читать? Ну, не ради авторских же рассуждений о природе власти – не Макиавелли, чай...

Есть, впрочем, еще стимул – красóты слога. Да мне ли не знать, какой Ш.И. стилист? – *«пригоршня защекотанных зайцев», «пьян мертвецки, до пены в глазах» («Город Брежнев»).* Брошу ложку меда в бочку дегтя: к счастью г-на сочинителя «Бывшая Ленина» вполне кошерно отредактирована. Из авторских идиолектов, сколько удалось заметить, уцелел единственный: *«набуrowила с горкой миску щей».* Но и на старуху бывает поруха – в неприкосновенности осталось бесподобное дурновкусие, достойное какой-нибудь Соломатиной: *«кипя извилинами и нервами, собралась вызвериться», «соискатель Лениного местами чересчур пышного тела», «мужики с фаллическим типом прически», «весна чреслами красна»...*

И последнее: Идиатуллин – стопроцентный оппозиционный литератор. Не потому, что комиксы, не потому, что щи с горкой. Есть у этой публики паскудная манера плевать в свою же кормушку. Сенчин, известный своими симпатиями к Удальцову, спокойно, без эксцессов принял Премию правительства РФ (два миллиона рублей). Ганиева на букеровских игрищах получила приличный грант (800 тысяч) от банка «Глобэкс», чей учредитель – государственный «Внешэкономбанк», и тут же взыграли «Оскорбленные чувства»: за державу обидно! Лауреат «Большой книги» (третья премия, миллион рублей) Идиатуллин вскипел извилинами и нервами и тоже приравнял к штыку перо, даром что «БК» спонсируют равноприближенные Авен, Абрамович и Мамут.

Коллеги, вы либо крест снимите, либо трусы наденьте. Шамиль Шаукатович, вас тоже касается.

«Большая книга-2020»: Инструкция по распилу опилок

П. Селуков. Добыть Тарковского. Неинтеллигентные рассказы. М., Редакция Елены Шубиной, 2019

Паша Селуков – он так-то наш, пермский: то ли с Кислотки, то ли с Пролетарки... ладно, без разницы. По жизни реальный пацан на кортах, с пельменей претя и с кино. А еще рассказы пишет.

Тут, по ходу, как все было-то? Меня слушай, ага, я по жизни в теме. Была у Паши тела – вся на корявых понтах, типа культурная она. А он на эту соску реально залип. Попадос, блин! Сперва книжки читать начал, типа школу не закончил. А потом – рассказы писать. Прикинь, чикса тему намутила!

А Паша до сих пор исполняет. По рассказу в день. Круто.

* * *

Подзаголовок сборника говорит о многом, если не обо всем. Лихие 90-е пустили в расход квалифицированного читателя – усох болезный до инкурабельной дистрофии, уступив место глотателям пустот. Литераторы мелкой рысью кинулись осваивать территорию люмпен-пролетариата: жить захочешь – не так раскорячишься. Это бывших чекистов нет, а бывших интеллигентов у нас как собак нерезаных. Самые честные без затей плодили Бешеных и Меченых. Кто похитрее, намекал на бездны социального подтекста и украшал кучу говна этикеткой «Новый реализм». Методу не раз провожали в последний путь, но она упрямо возвращалась: *you shouldn't have buried me, I'm not dead!*

Реализм? – ну да, пожалуй. Но какой он, к лешему, новый, если он бессмертнее Фредди Крюгера? Все, что составляет пафос нового реализма, звучало как минимум четырежды. Первопроходцами были литераторы натуральной школы. Вослед им нагрянули разночинцы. Затем сказанное повторили Максим с подмаксимками и, наконец, воспроизвел перестроечный кинематограф.

Впрочем, новые реалисты рефлексиями по поводу прошлого не маялись, о чем в свое время не без гордости доложила Пустовая. Беседин, Елизаров, Ким, Козлов (Владимир), Козлова, Лялин, Прилепин, Сенчин и далее по алфавиту, вплоть до Факофского и Шепелева, дружно пилили опилки: то вместе, то поврозь, а то попеременно.

Результат – сто семьдесят седьмая вода на глебоуспенском киселе. Упреки в чернухе оставим кумушкам, ибо для веселия Россия мало оборудована. Писать об отбросах можно и должно. Вопрос в том, как. Социокритический дискурс – далеко не индульгенция, поскольку сам по себе мало что значит. Все должно быть динамично и увлекательно: и слова, и пули, и любовь, и кровь. Не тут-то было, – челюсти выламывает жестокая зевота от одного на всех «нулевого письма».

ЕГЭ по литературе не желаете? Сейчас организуем.

«Снова гоним пузырь. Юлька сперва отказывается хлебать, но потом хлебает. Снова ахает, охает. Я обнимаю Юльку. Под ее водолазкой ощущаются крупные твердые титьки... Я ее целую в рот. Чувствую вкус губной помады. Стираю помаду ладонью с ее губ и целую уже всерьез. Потом она ложится на траву. Я сверху. Звиздато!»

«У меня уже стояк, я задираю ей юбку и тяну трусы с колготками вниз. Жопка и ноги у нее слизкие, все в малофье, а трусы вымазаны говном. Вокруг<censored> – густой черный волосняк».

«Лизну, думаю, разок. Ради общего развития. Клитор – это вот он. По-любому это он, большие некому. Лизнул. Раз, другой, третий. А ниже, думаю, если? Ниже – это как? Биология. Что там в учебнике писали? Половые губы? Не похоже на губы. Да какая, <censored>, разница!»

Вопрос на пять баллов: назовите авторов поименно. Вопрос на четыре балла: опознайте цитату из Селукова. Вопрос на три балла: найдите пять отличий. Ладно, хотя бы три.

* * *

Паша, он за пельмени пишет: бульон с луком – типа отстой. За наших, с раена: кто кому присунул, кто кого отмудохал, кто конкретно беса гонит:

«Елена Валерьевна, вы когда-нибудь хотели отрезать себе член и кинуть им в одноклассника? Хау ду ю ду? Лично я очень хочу».

Не, ты не подумай, что Паша голимым чепушила. Все пучком, с головой дружит. Про зверей у него ваше мазево. Круче, чем по телеку, отвечаю:

«За нами увязался бычок. Он был с рожками, без вымени, разговорчив и игрив».

«Кошка мелкая, что крыса. Утром на ногу нассала. Левую. Сука ты, говорю, Анфиса. Подтер, дальше лег. Через полчаса проснулся обосранным».

Ништяк, ага?

* * *

Впору вернуться к тезису о смерти квалифицированного читателя. И вспомнить Чуковского, который в 20-е, примерно на том же культурном фоне, писал: *«Необходимо помнить о шкале читательской восприимчивости. За пределом ее сколько чудес или ужасов ни нагромождай, до читателя они не дойдут».*

Селуков не морочит публике голову ни дерзкими идеями, ни прихотливыми сюжетами, ни психологическими изысками, ни извятием словес. Прозаический вариант рэпа, причем, не слишком качественного, вроде Хаски.

Образец фабулы: *«Витька Смерть, Коля Яйцо и Надька Манда стырили из аптеки ящик асептолина».* Спойлер: до синей хаты не донесли, разбили.

Образец душеведения: *«Я не поддаюсь панике. Когда паника, я подрошить могу. Это с войны еще. Как бой, у меня стояк на двенадцать часов. Капитан говорил, что я психопат».*

Образец стиля: *«Вместе пошли. Чай пить. С тортиком. Продрогли оба. Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Лясим-трясим, тоси-боси».*

Но нулевое письмо – это, изволите видеть, не только о красотах слога. Нуль, он и в Африке нуль. Пустота. Торичеллиева. Апофатическая проза, поскольку любое определение несовместимо с ее природой. Зато полный простор для воображения: можно выдумать любые смыслы. Что, кстати сказать, несложно: в идейно аморфной среде всякая мелочь разрастается, как детский мячик в вакууме раздувается до размеров футбольного.

Впрочем, время от времени П.С. принимается играть в трансгрессию, так это ж цыганочка с выходом – и язык немного богаче, и даже аллюзии откуда-то берутся:

«У меня для таких случаев имеется опасная бритва в кармане. Я ею кромсать чрезвычайно ловок. Распорол храмого от уха до уха. Смерть ужасна, а кто просимволизирует, если не я? Разложил на бережку рыжего, храмого и косого. Лица снял. Извлек кишки. Разбросал темпераментно, художественно. Люблю эстетику чужого внутреннего мира. Осклизлое, если оно на солнце, моментально превращается в алмазы. Отрезал пенисы. Полотно Джексона Поллока, если б у Поллока были яйца».

Откуда бы? Хотя не бином Ньютона: Елизаров да ранний Беседин, что старательно подражали Сорокину... Резонный вопрос: если они пилили опилки, что пилит Селуков?

* * *

Паша сперва вроде по приколу писал – норм, так-то че за пацан без приколюхи? Но дальше реально не та масть поперла. Сидит, по клавише долбит – дятел, блин! – а сам бормочет: полюбасу всех порву! всех, в натуре, нагну! Я, если по чесноку, уже децл на измену присел...

Так бы Паша фигней и страдал, да подвернулся дядя Леня Юзефович – тоже наш, пермский. В Москве поднялся, а пацанов не забывает. Вон за Леху Иванова, по ходу, мазу тянул. Короче, дядя Леня такой: кончай дрочить, пора конец мочить! За остальные терки ниче не скажу: на ухо потому что, шепотом. Но, типа, добазарились: лясим-трясим, тоси-боси... Дядя Леня подсуетился, и поперли Паше четкие ништяки: тетя Лена Шубина книжку напечатала, премию эту, блин, чуть не дали – забыл... вроде как «Наш бес». А еще дядя Леня центровку чикнул подтянул – дочку Галю. За Пашу впряглась, как за этого, блин... Далма... Дабла... Короче, ты догнал, ты фишку рубишь.

* * *

Семья Юзефовичей известна своей необъяснимой, но стойкой симпатией к провинциальным... ладно, пусть будет самородкам. Юзефович-рёге вывел в литературный бомонд Алексея Иванова, изобретателя сабель с бунчуками и отца вареных утопленников. Юзефович-fille отправила тем же маршрутом Алексея Сальникова, у которого напряжения на почве вспахивания и сутулая голова.

Нынче в семейной кунсткамере новая недотыкомка. Fille et рёге в дежурном припадке восторга поют дуэт из оперы «Если звезды зажигают...»

Галина Юзефович: *«Мелкую, почти мусорную материю жизни он ухитряется переплавить в самую высокую поэзию, наследуя в этом непростом деле Веничке Ерофееву и Сергею Довлатову».*

Леонид Юзефович: *«Мне кажется, тридцатипрехлетний Павел Селуков из Перми – именно тот писатель, которого не хватало нашей литературе, чтобы напрямую, без сложной системы зеркал, отразить современность и при этом вернуться к своим истокам – к раннему Достоевскому, например...»*

Вейз мир, Достоевский писал за отрезанный поц?! Реб Юзефович, чтоб вы так жили, как я с вас смеялся. Я вам умоляю, не делайте себе стыдно, бросьте этих майсов за вашего бохера. Или я не знаю, из откуда они берутся?

Протекция, конечно, мощная, но дивиденды пока невелики: в активе Селукова – премия журнала «Знамя» плюс большекнижный шорт. Впрочем, какие его годы. Freak show must go on, но вы держитесь.

* * *

Короче, Паша круто намутил: всех нагнул и всех забодал, чисто тот бычок без вымени. Ваше страх потерял, перхоть, – это я так, любя. А сам сидит, кино глядит и пельмени хакает. Без лука. Все у него норм.

«Большая книга-2020»: Я вам «чучу» отчебучу!

К. Букша. Чуров и Чурбанов. М., Редакция Елены Шубиной, 2019

Аксельбанты на Букшу вешали дуэтом – Вадим Левенталь и Дмитрий Быков, что недвусмысленно и нелицеприятно говорит о ее талантах. Первый объявил, что быть Ксенией Букшей почетно, второй высказался просто и со вкусом: *«Обычный двадцатипятилетний гений»*.

Да будет вам, Дмитрий Львович. Таких гениев на невских берегах – на дюжину десяток: Мелихов, Аствацатуров, Крусанов, Левенталь, а теперь еще и Синицкая... И у всех один и тот же симптомокомплекс: застарелый синдромальный аутизм, намеки тонкие на то, чего не ведает никто, и на редкость богатая жанровая палитра: если не пастиш, так центон.

Но Ксения Сергеевна даже в этой команде не затеряется. Ибо ее отличает особая метода: писать «за жисть» – наука не дворянская: *«Когда что-то пишешь, не надо пытаться копировать жизнь – получится литературщина»*. Ну-ну. Подробности у дедушки Крылова в басне про лису и виноград. Потому Букша постоянно потчует читателя осетриной второй свежести. «Манон, или Жизнь» была написана по мотивам аббата Прево. В «Мы живем неправильно» пишбарышня старательно подражала офисной прозе Минаева. В «Заводе “Свобода”» низко кланялась Понизовскому. В «Рамке» – всем и сразу: от Быкова (десять изгоев в поисках метафизической вины) до Лимонова и Олеси (полет на связке воздушных шаров). В «Открывается внутрь» прилежно воспроизводила Сенчина и Петрушевскую. Давно чужие небылицы тревожат сон отроковицы. Ну, вы помните: копировать жизнь – это литературщина. Должно быть, раскавыченные цитаты называются каким-то другим словом.

Во времена постмодернизма это еще полбеда. Беда состоит в прокламированной бессмыслице: *«Когда я пишу, я выбираю не тему, а в первую очередь ощущение, атмосферу. Я, если можно так выразиться, беспредметный автор, мне “темы” не очень интересны»*. Если уж гуманный Данилкин однажды назвал букшину прозу пловом без мяса – чего же боле? «Рамка», к примеру, начиналась как антитоталитарная сатира, потом тоталитаризм сам собой рассосался, а кода получилась смазанно-сюрреалистическая: *«Над соснами, вдали от куполов, проступает в сером небе лицо. Не смотри»*. И кто его знает, на что намекает? – музыка Захарова, слова Исаковского...

Прошу прощения за длинную преамбулу. Зато всем понятно, с чем предстоит иметь дело.

Год назад К.Б. подумала: а не замахнуться ли на Федора нашего Михайловича? Итогом стал девятый по счету роман «Чуров и Чурбанов». Чу – Чу. Собирайтесь, девки, в кучу, я вам «Чучу» отчебучу!

Входящие, оставьте упования: к экс-председателю Центризбиркома и брежневскому зятю книжка не имеет ни малейшего отношения. Был бы я Галиной Юзефович, – сказал бы, что это петербургский текст со всеми характерными признаками: от двойничества до перманентной непогоды. Да к чему мне чужой репертуар?

Спойлер: Чуров и Чурбанов – сначала одноклассники, затем однокурсники в медицинском институте, где и выяснилось, что сердца их бьются синхронно. Затем один становится детским кардиоревматологом, второй пускается в бизнес-авантюры. Ровно до тех пор, пока мир не потрясает открытие: синхронная пара сердец может исцелять неизлечимые сердечные недуги: неоперабельные пороки сердца, ревмокардиты, атрогипозы – достаточно поместить пациента между синхронами. Если один из пары синхронов умрет, умрут и все спасенные. Но если оба, пациенты выживут. Чуров и Чурбанов намерены лечить людей, а жить айболитам вроде как уже и незачем: одному грозит срок за мнимую врачебную ошибку, другому – за какие-то мутные дела с финансами (за какие, авторесса и сама не ведает). Занавес.

Гуманизма сладкой парочки хватило бы на вполне годный святочный рассказ от силы в 15 000 знаков. Но «Чуров и Чурбанов», как и большая часть нынешней российской прозы, – неправильная дробь со словами в числителе и фактурой в знаменателе. Подсказка для тех, кто забыл школьный курс математики: слов не в пример больше. Фабульный остов, как елка игрушками, увешан байками, не имеющими к нему ни малейшего отношения. Вам расскажут, что Чуров в отрочестве был рыхловат, тяжеловат, бедно одет и вонюч. Что у Чурбанова была любимая по фамилии Синицына. Что Чуров женился на азербайджанской проститутке. Что Чурбанов в мединституте прочитал пародийную лекцию об анатомии и физиологии российского герба:

«Пищеварение двуглавого орла происходит быстро и энергично. Наш герой может своими двумя клювами растерзать за свою жизнь не менее ста сорока миллионов... простите, килограммов живой массы... Ученые пришли к выводу, что рабочей головой является голова прежде всего западная, восточная же кормится только остатками уже умершей добычи. На деле голова только одна, но орлу кажется – и он внушает свою галлюцинацию нам, – что голов две? На деле же просто орел болен, он болен шизофренией...»

И это, право, самый осмысленный момент 288-страничного романа. Букша, опоздав на все праздники непослушания, наверстывает упущенное в надежде, что братья-либералы меч ей отдадут. Меч, может, и отдадут, но о пряниках можно забыть, – их всегда не хватает на всех.

Виноват, отвлекся. Сейчас исправлюсь.

«Чуча» напоминает автомобиль сдохлым движком. Двойничество от времен романтизма подразумевало конфликт оригинала и Doppelgänger'a: Шлемиля и его тени у Шамиссо, Ивана Карамазова и черта у Достоевского, доктора Джекила и мистера Хайда у Стивенсона – и так далее, вплоть до минаевских писателя Богданова и Богданова-самозванца. Это и была движущая сила повествования, его энергия. «Двойничество рождает столкновение двух “я”, объединенных и направленных общей идеей романа», – обобщил Бахтин. Не то у Букши: оба Чу такие милые, и делить им фатально нечего – распрягай, приехали. Точнее, даже с места не двигались. Но все равно распрягай.

Если вдуматься, то иные варианты были исключены по определению: беспредметному автору темы не очень интересны, это мы уже выяснили. Нет темы, нет идеи, – и о чем в итоге речь? О том, что у Чурова носки воняли? Или о черно-золотых волосах Синицыной?..

Но критиков наших не зря годами натаскивали на поиск метафизических глубин на пустом месте. «Чур, согласно словарному значению, – славянское божество пограничных знаков, а его символы – чурки и чурбаны, то есть обрубки дерева», – вдохновенно резонерствует Полина Бояркина. Умная барышня, Википедию читала. Дальнейшие семь бочек арестантов пополам с чурками опускаю из чистого человеколюбия. Ну, а если принять в расчет не гипотезу Ключевского, но возражения Фасмера: «Существование божества *Čurъ, принимаемое мифологами старшего поколения, не доказано», – каков будет сухой остаток?

Потому единственное, что можно уразуметь из «Чурова и Чурбанова», – отсутствие у авторессы некоторых базовых навыков.

Букша не способна внятно сформулировать идею текста – речь об этом уже шла. Да это дело вообще десятое: «Мне очень важна атмосфера, климат, погода. Пожалуй, именно погода сначала и приходит мне в голову, а уж идеи, герои и прочее – выстраиваются вокруг нее. Они – не главное. Погода всегда важнее». Господин Вильфанд! Роман Менделевич! Вакансии в «Гидрометцентре» есть? Тут такие кадры пропадают!

Букша не способна выстроить объемный текст: спринтер с коротким дыханием, сказали бы Стругацкие. «Завод “Свобода”» состоял из монологов, механически объединенных местом действия. «Рамка» – из тех же самых монологов, объединенных точно так же и отчего-то написанных скверным верлибром. У «Чучи» та же самая хворь – клиповое мышление автора. Целого нет, есть разрозненные отрывки, и каждый можно изъять без особого ущерба.

Букша не умеет отличать главное от второстепенного. Книга перегружена линиями, оборванными на полуслове: экстремалка, что мечтала служить в спецназе или МЧС, пациентка Корзинкина, что умела нагонять себе температуру усилием воли, – где вы теперь, кто вам целует пальцы?

Безупречна здесь и впрямь лишь погода: *«Дождь шумел в водосточных трубах. Капли барабанили по крыше, откосам и карнизам»; «Так он и думал надвое, и не думал всю дорогу мимо всех водосточных труб, из которых по сосулькам лила нескончаемая вода, думал, поскользываясь в лужах, серый, сырой, мокрый и взъерошенный Чуров».*

В газетах старых времен печатали рубрику «Заметки фенолога»: там с апломбом первопроходца читателю из года в год сообщали, что осенью идет дождь, а зимой снег. Интересно, уцелела ли где-нибудь? – была бы еще вакансия для Ксении Сергеевны...

Посрамленный Эмпедокл, или Песнь тунгуса

А. Аствацатуров. Не кормите и не трогайте пеликанов. М., Редакция Елены Шубиной, 2019

Эмпедокл, было дело, самонадеянно заявлял: из ничего не возникает нечто. Ныне философ пристыженно курит в дальнем углу. Вместе с ним, потупясь, дымят Ломоносов, Лавуазье и Майер: поспешили они с законом сохранения массы и законом сохранения энергии. А все потому, что не знали Андрея Аствацатурова – тот уже в четвертый раз занялся возгонкой торичеллиевой пустоты в изящную словесность. Никогда так не было, и вот опять...

Два слова об этапах большого пути.

«Люди в голом» (2009): автор нудно делился с публикой детскими обидами: в школе его дразнили *«очкарик – в жопе шарик»*, а в пионеры приняли самым последним. Увлеченно классифицировал сортиры: *«Бывают туалеты-патриоты, туалеты-либералы, туалеты-леворадикалы, и реже – туалеты-олигархи»*. Рассказывал несмешные байки про друзей и бездарно острил: *«Акакий Акакиевич, Описий Описиевич»*.

«Скунскамера» (2010): автор вновь попутал читателя с психотерапевтом и долго причитал про мерзость детсадовского кипяченого молока. Доверительно поведал про свой фетиш – объявление о залповом выбросе фекальных вод, которое *«сохранил и спустя многие годы всем показывал»*. Изобретал невнятные неологизмы вроде *«толстожопить»* и громоздил бессмысленные фразы: *«Сверху, с девятого этажа, метро выглядело не по-ленински приземистым»*. Не по-ленински? Ну-ну. Опять рассказывал несмешные байки про друзей и бездарно острил: *«Опездал?! Опездал в школу. Это как?»*

«Осень в карманах» (2014): автор еще раз предался детским мемориям – на сей раз о муках, с какими учился писать букву «м». Сообщил, как Васенька побрил подмышки, а Коля выносил мусор. Рассказал о «панковском ужине» философа-постмодерниста Погребняка: тот перемазал соседскую постель кабачковой икрой и объявил ее говном. И, разумеется, тупо острил: *«У всех лекция, а у меня эрекция!»*

Трилогия до оскомины напоминала фольклор Крайнего Севера: гора круто-ой, олень худо-ой, чум далеко-о-о – ой-е-ей... Эстетическая парадигма та же – что вижу, то пою.

Хотя что проку упрекать А.А.? – он лишь зеркало лютого упадка отечественной прозы. Всякая идея скомпрометирована как минимум дважды, смыслы упразднены за ненадобностью, ценности девальвированы, – мир провалился, остается пить чай. И о чем писать в паноптикуме фикций? О себе, любимом: это несомненная реальность. Единственным возможным жанром во времена кризиса смыслов стала эгобеллетристика, единственной возможной коллизией – опять-таки Достоевский императив *«заголимся и обнажимся»*. Но и для стриптиза данные нужны: это Лимонову можно, но никак не Аствацатурову. Его тусклая биография способна всерьез заинтересовать только инспектора по кадрам. Профессиональному читателю фатально нечего заголять.

Поэтому новые приключения жирмуноида мало отличаются от прежних. Те же байки про питерских кухонных гениев, та же скуловоротно тоскливая бытовуха – в разы ухудшенный Довлатов. Все на своих местах, включая непонятный неологизм: *«Хватит уже сидеть, толстожопить»*.

Однако есть и отличия.

Давным-давно, еще после «Скунскамеры» Виктор Топоров дружески наставлял А.А.: *«Что делать с самим собой и со своим творчеством писателю Аствацатурову? На мой взгляд, ему стоит вспомнить о филологе Аствацатурове – специалисте по творчеству Генри Миллера, – и понять, что про твое милое детство (и про жизнь твоих забавных приятелей)*

читателю в длительной перспективе не интересно... Писателю Аствацатурову стоит пойти на выучку к Генри Миллеру». Десять лет спустя А.А. внял совету и попробовал сочинить авантюрно-эротическую мелодраму про Англию, певицу Катю и русскую мафию. Хоррор и саспенс в одном флаконе – слабонервных просят выйти!

Хотя, пожалуй, останьтесь: выдуманно-то оно из рук вон скверно, – белые нитки отовсюду торчат. Катя среди ночи звонит протагонисту и назначает ему встречу в Лондоне. Тот срывается с места, даже не спросив: а на фиг, собственно? В Сент-Джеймском парке выясняется, что убит продюсер и официальный любовник Кати, и теперь у нее проблемы. Разруливать их предстоит питерскому ботанику в больших диоптриях. Андрей Рэмбович, не смешили бы людей...

Эротика в «Пеликанах» на редкость своеобразна – похоже, писана по мотивам то ли Пикассо, то ли Гриса: *«Разглаженные губы как будто не знают о больших крепких грудях, которые вроде как теперь уже не знакомы с загорелой спиной»*, – простите, а что грудям на спине делать?.. Топоров наверняка в гробу перевернулся – знал бы он, насколько не в коня корм.

Неверная Катя остается в Лондоне. Железобетонную потенцию героя будет подтверждать женский добровольческий батальон: Мисси, Наташа, Дина... и кто еще там? – все, как на подбор, с цыцками гаубичного калибра. *Fi donc, André, mauvais goût plébéien!*..

С облегчением вернув вояжера в Питер, Аствацатуров выступает в любимом амплуа. По многочисленным заявкам трудящихся звучит песнь тунгуса, часть четвертая: *«Мы пили водку в дешевой забегаловке на Петроградке и закусывали шпротным паштеймом... Водка шла легко, а паштейм, напротив, никак не лез в горло – вкус у него был отвратительный. Помню, про этот шпротный паштейм Гвоздев тут же сочинил стихотворение: “Паштейм шпротный, / Он же – рвотный”»*.

Вам расскажут, как профессор собрался оприходовать студентку под портретом Бердяева, а та чуть не в слезы: при Николае Александровиче не буду! Или как Гвоздев обещал ректору весь кабинет обоссать, если тот зарплату жирмуноиду не выдаст. И это, право, самые яркие моменты 350-страничного опуса, состоящего из блеклых университетских интриг и линялых служебных романов. Все те же *«огрызки из отрывков»*, знакомые по трем прежним опусам. Круглое пришито к твердому, длинное – к холодному... Где лекция, где эрекция? – разбирайтесь, суки, сами! Пламенный салам Ихабу Хасану с его антиформами. Впрочем, время от времени Аствацатуров старательно корчит хорошую мину при плохой игре: если невзначай помянута Венеция, то уж будьте благонадежны – страниц через пять возникнет фон Ашенбах. Та еще арматура, ага.

Ах да, есть же всем скрепам скрепа – *«экскрементальный символизм»* (милосердное определение критикессы Сергиевой). Серьезный повод написать 1 100-страничную тетралогию. В свое время кто-то из интервьюеров робко попросил автора объяснить его навязчивую копролалию. В ответ прозвучала красивая теория: *«Запах помоек, классификация туалетов, упоминание анализов мочи. Это все проявления энергии, наполняющей нас»*. Правда, в последних двух книгах Аствацатуров все реже демонстрирует публике свою визитную карточку. Но чтоб совсем без нее – увольте! Как же без энергии-то? Без нее и книга не книга:

«Канализация – царица всех морей, канализация – купайтесь только в ней...»

«Чтобы завтра, говорит, все до единого были в поликлинике и сдали говно на кал».

«Унитаз в студенческом туалете – это лицо декана».

Не люблю интеллигентских игр в приращение смысла, поэтому спрошу: на хрена мне все это рассказали? А вот зачем, оказывается, – назидания ради:

«Люди ведь – не волки друг другу, не бревна, не монахи, не монахини, как думал герой Сэлинджера, а именно что пеликаны: неуклюжие морские птицы с огромными нелепыми клювами. И кормить их не нужно, им не подойдет ваша еда».

Где логика, Андрей Алексеевич? Какого рожна вы в четвертый раз потчуете публику довластовскими обьедками в говенном соусе? Это ваша пайка. Прочим не предлагать.

Как доказательство на Аствацатурова, по слову его героя, со всех сторон сыплются *«подлые смехи»*. Сергей Коровин особенно далек политкорректности и потому особенно близок к истине:

«Вообще-то надо совесть иметь, – размазать жидких соплей на три с лишним сотни страниц под видом художественной прозы – вершина свинства и безнравственности, это как портить воздух в чужом автомобиле».

Но прав был классик: *«Прямой талант везде защитников найдет!»* Аствацатуров намертво прописался в премиальных святцах. Его дебютный роман получил премию Правительства Москвы и премию «ТОП-50». «Люди в голем» вошли в список 50 лучших книг 2009 года по версии «НГ Ex Libris». «Скунскамера» сподобилась приза читательских симпатий премии «НОС». Про номинации на «Нацбест» не говорю, ибо это уже традиция. Правда, «Пеликанам» с «Нацбестом» не повезло, зато сейчас роман претендует на «Большую книгу» и «Ясную Поляну». В прошлом году А.А. стал директором музея Набокова – знамо, со скандалом, подробности в этих ваших интернетах. И тут же посулил открыть музей для современности: Елизарова, Яхиной, Снегирева и Ганиевой. В переводе на русский: устроил кормушку для братьев по разуму... впрочем, это уже другая история.

Эмпедокл воистину посрамлен: на наших глазах из ничего возникло нечто – обло, озорно, огромно, стозевно и смердяй. Не задушишь, не убьешь. Набоков, к которому А.А. *«никаким боком»*, писал: *«Пошлость – это главным образом ложная, поддельная значительность»*. Вот, она самая и есть. В чистом виде.

И последнее. «Пеликанов» на «Лабиринте» продают с 20-процентной скидкой. Покупать все равно не советую. Не кормите графоманов и даже не трогайте. Их и без нас есть кому кормить.

Вам шашечки или ехать?

С. Филипенко. Возвращение в Острог. М., Время, 2020

Закон постиндустриальной экономики: 70 процентов цены товара составляет бренд. Доказывать очевидное скучно, но придется.

С начала нулевых на должность главного регистратора российских патологий претендуют выходцы из Белоруссии: сначала Владимир Козлов, а следом – Саша Филипенко. Двое из ларца, одинаковых с лица: оба работают в жанре «лубок-нуар», оба пользуются телеграфным, без изысков, стилем, оба любят мокьюментари. Козлов копировал Уэлша и Паланика, Филипенко воспроизводит Козлова – причем, с 12-летним опозданием – клон клона, тень тени...

Но Козлов честно сознался *«Я просто лабаю панк!»* Филипенко, тот похитрее будет: играет в остросоциального писателя. Feel the difference, как говорится в рекламе. В послужном списке Козлова – сплошь номинации, нигде дальше порога не пустили. Плюс единственная снобская премия «Сделано в России». А у Филипенко, кроме нее, уйма лычек: «Русская премия», премия журнала «Знамя», премия журнала «Собака. ru». И в «Большой книге», было дело, в финалисты выбился, а нынче – и в «Ясной Поляне». И Россию представлял на Salon Du Livre-2018. И в «Гоголь-центре» его ставят – красноречивый факт. И бабушка Алексиевич благословила: *«Хотите узнать, о чем думает современная молодая Россия, читайте Филипенко»*.

Ну-ну. Светлана Александровна, вы сами-то его читали? – *«Я любил подтираться и нюхать свое дерьмо»* (*«Замыслы»*). Тот еще властитель дум.

Филипенко явился в литературу из телевизора. Сперва был гэгменом на Первом – сочинял *«шутехи и бугагаши»* для клоунов из «Перисхилтона». Потом сам работал коверным на «Дожде» – вел программу «Вечерний Герасимец» и донимал прохожих: а что вы думаете о Моцарте, который судится за авторские права с Пугачевой? Работа для целевой аудитории, не изуродованной IQ, – не самый лучший анамнез, ибо сулит тяжелую профессиональную деформацию: полное пренебрежение к логике, психологии и фактической точности. Зрителю оно по барабану, главное – чтоб над вымыслом слезами. Следствия: слова у сочинителя наперечет, мыслей и того меньше, а те, что в наличии – из позавчерашних новостных лент.

Из такого вот материала Вечерний Герасимец слепил четыре книжки. Его шутехи и бугагаши заняли почетное место в пантеоне литературных курьезов. Филипенко разработал новаторскую модель часов, стрелки которых выравниваются в половине девятого. Модифицировал ножницы, приделав к ним рукоятку. Основал компартию Ниццы, независимую от Parti Communiste Français и вывел новую породу грудных детей, способных вырываться из родительских рук. Травил мужика таксами – слава Богу, хоть не той-терьерами. Заменял ремингтоны и ундервуды в Наркоминделе линотипами – тамошние машинистки, по мнению автора, документы не печатали, а *«набирали»*. Язык? – так это же песня, ария Бизе из оперы Хозе: *«Ее трясло от потрясения»* (*«Красный крест»*). Но не забывал помянуть незлым, тихим словом то путинских коррупционеров, то сталинский НКВД. Результат известен: путь славный, имя громкое народного заступника. А вместо чахотки и Сибири – парижские бульвары за казенный счет.

Господа чиновники, издатели и критики, меня давно занимает вопрос: вам шашечки или ехать? Вам либеральные понты или литературу?

Видимо, все-таки, понты. Ибо на повестке дня – очередная атака клоуна. Пятая по счету.

Место действия романа – глухая провинция, город Острог. Ну, с этим проблем не предвидится. Периферию столичные мастера культуры собирают из готовых деталей, как конструктор PlayBIG: грязь, отара пьяных аборигенов, полудохлый завод, селедка под шубой – уес! Се

вид Отечества, лубок. А большего и не надо: все же знают, что за МКАДом леший бродит, и псоглавцы кукишем крестятся.

В провинции С.Ф. бывал – вел программу «Ездим дома», то есть катался на собаках с Татьяной Арно, чей бюст гарантированно перевешивал все информационные поводы. Теперь пришлось наверстывать упущенное по любимым новостным лентам. Впервые Филипенко опробовал эту схему в «Красном кресте» – вроде как удалось. Ну, так с Богом! Однако компетентный Герасимец, что называется, слышал звон...

В Остроге местный олигарх озолотился, засеяв бесхозные поля хлопком. Да, было дело: вывели в ВолГАУ ультраскороспелый сорт хлопчатника ПГССХ-1 и в 2018-м даже собрали 80 тонн хлопка. Но где? – в степях Волгоградской области. В соседних регионах товарную продукцию получить не удалось. Что уж толковать о затерянном в северных лесах городке?

В Остроге Русская православная церковь отсудила у старообрядцев мощи святого Афиногена. Верно, был такой прецедент: в 2015-м Росимущество выиграло у Российской православной автономной церкви, основанной в 1990-м и не признанной Московским патриархатом, процесс о мощах преподобных Евфимия и Евфросинии Суздальских. Но каким ветром занесло мощи священномученика Афиногена Пидыхойского из Кремля в Острог? А если это мощи раскольничьего архиерея-самозванца XVIII века, то зачем они никонианам?

Можно и продолжить, но в этом случае дело кончится построчным комментарием. Чтоб закрыть тему провинции: под занавес выясняется, что Острог – областной центр. Областной центр? Эта жопа мира, где на улицах – хребты мерзлой грязи, где всей промышленности – один завод, где даже порядочной церкви нет, лишь тюремная часовня?.. А что я говорил? – леший и псоглавцы. Глубочайшее знание материала.

Ах да, чуть не забыл. Старообрядческого священника в романе кличут... а вот ни за что не угадаете: отец Каземат. А почему не Бастион? Герасимец ты наш вечерний, из каких таких святцев погоняло? После чего можно с легкой душой отправить книжку в топку. Но не мне: ноблесс меня облич.

Впору огласить спойлер: щедрый олигарх-хлопковод отправил за свой счет весь местный детдом в Грецию. Сметливые детишки поняли, что в России не видать им ни теплого моря, ни феты с оливками – и принялись дружно резаться, вешаться и бросаться из окон.

Незатейливый сюжет, зато как обставлен. Главы претенциозно названы песнями: трагедия-то греческая, сиречь τραγῳδία – козлиная песнь, и в случае С.Ф. это чистая правда. Самоубийства статистов – помилуй Бог, так это же Нобелевская лекция Бродского: *«В настоящей трагедии гибнет не герой – гибнет хор»*. Герой-следователь, впрочем, тоже руки на себя наложил. Ибо в лубке героев нет, есть функции: разъяснил скорбные дела детдомовские – goodbye, my love, goodbye! Целевая аудитория насквозь промокла: слезовыжималка работает с повышенным КПД – тут вам и сирое провинциальное паскудство, и слезинка замученного ребенка. Грех не присоединиться. Тем паче, вникать ни во что не надо – гуманный автор все растолкует.

Вот сиамские близнецы Люба и Вера, которых автор ассоциирует с двуглавым орлом. У одной орлицы фейс поцарапан, у другой губа разбита: никак не могут решить, Крым наш или не наш. Дело, кстати, опять-таки кончится кр-ровищей: *«Пока одна из сестер спала, вторая решила покончить с собой и наглоталась таблеток... Завязалась драка, в ходе которой они выбрались сюда, и вот эта нанесла четыре ножевых ранения этой, а затем ударила в сердце себе»*. Что не ясно?

Вот местный Дон Кишот по имени Петя малюет плакат для одиночного экологического пикета. Лист ватмана прижат четырьмя книгами: «451 градус по Фаренгейту», «Над кукушкиным гнездом», «1984» и «Незнайка в Солнечном городе». Вопросы есть?

А город под названием Острог, где и работать-то негде, кроме как вертухаем, – какой масштабный, какой глубокий символ! Гамлетовский: Россия – тюрьма. Можно подумать, гля-

цевый Герасимец, автор «Сноба» и «GQ» шконарь давит, а не кресло в партере «Гоголь-центра».

Бесплатно прилагается полный набор новореалистических штампов: малолетка, не знающая, кто ее обрюхатил, менты-садисты, аминазин... Ну, это вы и без меня знаете: ночь, улица, маньяк, калека – калека, улица, маньяк. Канон незбылем со времени «600 секунд». И воевода Невзоров дозором обходит владенья свои, попутно проверяя посты. Пароль: легко ли быть молодым? Отзыв: так жить нельзя!

Но перестроечных слоганов фатально не хватает на пять с половиной авторских листов. Чучело прозы приходится набивать опилками. Да не первая зима волку: в «Красном кресте» роль наполнителя играли стихи – Барто, Рыжий, Вяземский, Георгий Иванов, Леннон. В «Острог», кроме бесконечных цитат из российской попсы, имплантирован оммаж себе, любимому – рассказ Филипенко «Катаракта», опубликованный в «Esquire». А что, дешево и сердито.

Скучно? Мне тоже. Но добрый сочинитель на этот случай припас развлечение: для начала расскажет, как следак в сортире аэропорта дробил на светлый образ бывшей жены, а потом с сиамскими близняшками любовью занимался. Не пугайтесь, во сне.

Кажется, все сказано. Без ответа остался лишь один вопрос: вам шашечки или ехать?

Этюд в кремьных тонах

В. Пустовая «Ода радости». М., «Эксмо», 2019

Валерия Пустовая, могучий столбище российской литкритики, решила: наша попа рождена сверкать. И, невзирая на релятивное отношение к содержанию победительной правды, нелепое сближение пафоса выкриков из трюма, окриков от руля и манифестацию рабовладельческих полномочий земной необходимости, добровольно сошла с лощенного паркета на топкую почву прозаического подполья, чтобы проявить юзера как человека и раздвинуть экран до мироздания. Это мир наших аватаров, шупающих ногами отзывчивую землю, это плотный мир, в котором еще не выедено пустот – непознанно-нулевая мифологема России, разоблачение тайны, вскрытие комплексующего и вожделеющего «Оно», одушевление тени. Ибо человек литературы по природе – потому что не может не вжевывать резину в почву опыта.

Эта термоядерная шизофазия, – сплошь из раскавыченных цитат В.П., – переводится на русский кратко: критикесса написала роман. Автобиографический, если кто не в курсе.

Наткнувшись в тексте на *«кремьный с розовеньким диванчик»*, я понял, что не обойдусь без Олейникова: *«Трещит диванчик, / Мы с вами тут, / У нас романчик, / И вам капут»*. Все и впрямь по классику: мы с вами тут, романчик и диванчик в наличии. А капут сейчас организуем. Долго ли умеючи.

* * *

Я уже столько писал отечественную эгобеллетристику, что сейчас вряд ли скажу нечто новое. Уж не взыщите.

Полузабытый японский жанр (на языке оригинала «ватакуси сесэцу»), популярный на рубеже XIX–XX веков, невзначай воскрес здесь и сейчас. Побег сакуры отменно прижился на русской березе, и что ни год, плодоносит: то Аствацатуров, то Скульская, то Москвина, то Непогодин, то Степанова, то Громова – имена их ты, Господи, веши. Банзай, коллеги, и мы не лаптем мисо хлебаем!

И с чего бы вдруг состоялось второе пришествие?

Перефразируя Славоя Жижека, скажу: политика, экономика, религия, общественная жизнь превратились в инсценировки. Единственная несомненная реальность спектаклярного мира – ты сам. Стало быть, достоин памятника нерукотворного.

А вот это уже спорный вопрос, достоин ли. Будь моя воля, отправлял бы всех эгобеллетристов на консультацию к Веллеру: *«Сами по себе вы никому не интересны, успокойтесь... Если вы не герой и не звезда, то ваша собственная жизнь со всеми ее подробностями никого не волнует»*.

Верно, все жанры хороши, кроме скучного. Да поди-ка объясни это литератору, которого всяк Божий день манечка навещает. Потому Скульская доверительно поведала публике про мамино крепдешиновое платье с полотняными подмышниками. Москвина – про дедушку Идея Мовшиевича, который запрещал бабушке делать аборт. Степанова – про прадедушку Залмана, что варил мыло, про бабушку Дору, что варила гороховый суп и тетю Галю, что варила кофе и писала на редкость содержательный дневник о погоде и мороженых овощах. Громова – про папу, который категорически не собирался жениться на маме. Eхegi monumentum, ага. «Новая искренность», если кто не понял.

Злоязыкий Роман Арбитман писал: если старая искренность тихо плакала в чулане, то новая повела себя напористо, под стать коробейнику в электричке. Но авторы предлагают пуб-

лике не газеты – самих себя. Свои копеечные взлеты и грошовые падения, свою пыльную скуку и уцененные измены. Зачем? – они и у читателя точно такие же.

Вопреки гуманному Евтушенко, людей неинтересных в мире есть. И гораздо больше, чем хотелось бы.

К чему все это говорю? – к тому, что Пустовая ничем не отличается от предшественников. Сейчас сами увидите.

* * *

В.П. не обновила канон и даже в шлифовке его не особо отличилась. Приданое у нашей пишбарышни знатное: ворох многословных фейсбучных почеркушек. Такой багаж публике в последние годы предъявляли все, кому не лень – от маститого Гришковца до безвестного Ромы Сита. Сенсаций, воля ваша, не упомню. Но для человека чужого опыта не существует – хотя уж критику-то сам Бог велел тематическое досье собрать...

Пристегните ремни, грядет езда в незнаемое. Итак, маму всю жизнь одолевали люди, рожденные под знаком Весов. Она работала в Госплане, любила персики и булочки, колбасу и пиво. В соседнем торговом центре открылся магазин восточных товаров, где продают консервированное манго из Мьянмы с надписью «Люблю жизнь». У бабушки заискрила розетка – Кимсанчик обещал, но не починил, Мирбек сказал: возьмите плоскогубцы и сами подкрутите, а Вадим не только починил, но и объяснил, что медь с алюминием не дружит. Печенку надо варить не больше восьми минут. Аудиокнига Агнии Барто надоела всей семье до смурфиков. Талонов в поликлинике не найдешь днем с огнем. Муж трижды сказал «фу» розовой мебели для ребенка в «Ашане». Бабушка хранила в сундуке реликвию – трусы сына.

Плюс афоризмы, достойные розового блокнотика семиклассницы: *«Настоящее время счастья никогда не длится вечно»*, *«Можно выйти замуж – и остаться одинокой»*. Читал. Много думал. Какая глы-ыба...

И так четыре сотни страниц non-stop. Авторесса ставит читателю суровый ультиматум: *«Мне нужно, чтобы мама, или дочь, или сын, или хоть вы сейчас дослушали меня до конца»*.

Хм. Чего ради изучать эти унылые мемории, похожие на пенсионерский треп у подъезда? Проблемы человека неисключительного в неисключительном состоянии, как сказал Пригов, я и без В.П. знаю наизусть. Читать «Оду» можно либо по долгу службы, либо в качестве дисциплинарного взыскания, иных стимулов не вижу. Впрочем, «Эксмо» явно другого мнения.

«Предельно личное, документальное свидетельство об одновременном проживании смерти и материнства, – вкрадчиво суфлирует аннотация. – Эта книга для тех, кто боится терять и учится обретать. Книга утраты и любви, которая у роковой черты осознанней и сильнее».

Ага, понятно: у нас тут grief memoir, то бишь «воспоминание о боли» – поджанр эгобеллетристики, который день ото дня все популярнее. Ну, вы помните: Данихнов да Старобинец со товарищи. И ехидный термин «монетизация страданий», надеюсь, не забыли.

Обычно пациент платит психотерапевту за внимание и сочувствие. Но наш литпроцесс отрицает все мыслимые законы: это я должен заплатить, чтобы читать про поликистозный эмбрион Старобинец или покойную матушку Пустовой. Литература grief memoir назойливо, как вокзальная нищенка, вымогает у читателя сопереживание. С какого перепуга я должен вывешивать траурные флаги и объявлять черный день календаря? Ваша личная потеря – еще не национальная трагедия.

Еще меньше хочется делить с Пустовой радости материнства – такое впечатление, что читаешь откровения яжематери где-нибудь на ovuljashki.ru. От самодельной потешки *«Наша писа хороша, / у нее, наверно, / есть красивая душа / с гулькин нос примерно»* читателя с нор-

мальными рефлексами немедленно вывернет наизнанку. Не хуже, чем от резины, вжеванной в почву.

* * *

Окончательно позывы к сочувствию гибнут в лобовом столкновении с пустовым идиостилем.

Начнем с малого. Пустовая расточает диминутивы на зависть чемпиону Иудушке Головлеву и серебряному призеру Александре Николаенко. С *«кремьким диванчиком»* вы уже знакомы. А есть еще *«немаркий гипюрчик»*, *«шовчик примирения с Богом»*, *«полотенчико с прописным принтом»*, *«чаек»* и даже *«попоцка»*. Знамо, моветон. Но это, право, мелочи. Лучшее, конечно, впереди.

Вторую позицию в рейтинге занимают дикие словоформы: *«я рыдалась маме»*, *«солнце проглотилось»*, *«грозный сон о нашем невпопаде»* и проч.

А сейчас... – барабанная дробь, публика в нетерпении утирает холодный пот – ...смертельный номер!

«Это созревание невысказанных желаний, это разлитие вскрытой крови, это опадание плодов, вспревших от приливов надежд и печалей».

«Я хотела запустить с самой собой флеш-моб огрешек и грехов».

«Неподражательная и ржательная странность, легкая головная бекрень».

«Распирает в вышину сила каждой минуты, выраженная в миллиметрах бесперебойного движения к еще немного продвинутой версии себя».

Флеш-моб огрешек может длиться часами, да хватит, пожалуй – меня уже распирает во все стороны сила каждой минуты, проведенной в обществе ржательной пишбарышни и одолевает вспревшая головная бекрень. Слава Богу, резюме к этой части выдумывать не надо, его уже сочинила Инесса Ципоркина: *«Типичное пустовое испражнение-упражнение по уродованию отсутствующей мысли с помощью несуществующих слов».*

Могу лишь добавить, что беспримерное косноязычие для попуганок – знак кастовой принадлежности. Что-то вроде вампирского причмокивания.

* * *

Прогноз, к сожалению, неблагоприятный. Ибо, как призналась В.П., *«хочется еще вспыхивать недрами и светиться нутром наружу, и вываливать из себя любую рядовую подробность».*

Ждем-с. С глубоким прискорбием.

Осетрина сорок второй свежести

Р. Богословский. Токката и fuga. М., Городец, 2020

«Книжная полка Вадима Левенталю» как-то располагает к пошлости в исконном, не набовском смысле слова. Уютная богадельня для... э-э... ладно, будем политкорректны: для литераторов с ограниченными возможностями живет по закону Телемской обители – делай, что хочешь. Можно склеить из фантиков какую-нибудь красоту про *«подкрашенный помадой смех»*, – никто и словом не попрекнет. Можно приляпать на обложку червонный туз: типа, сердечко тут – чувства... Тоже страсть как оригинально, добужинские вы наши.

С черным сердцем на обложке и припомаженным смехом под ней вышел в свет первенец серии: роман, простите за дурной каламбур, Романа Богословского «Зачем ты пришла?» Потом были еще 44 книжки, а нынче грянуло дежавю: снова Богословский и снова сердце. На сей раз красное, крест-накрест разодранное и грубо зашитое чем-то вроде шпагата. Драма, значит. Понимаю.

Господин оформитель Лосев, сам того не ведая, по-снайперски поймал в прицел самую суть богословского опуса: центон, на живую нитку сшитый из чего ни попадя. Куда ни плюнь, осетрина даже и не второй – сорок второй свежести. «Токката и fuga»? – насчет токкаты очень сомневаюсь: ну никак оно меня не коснулось, хотя итальянское тоссаге обязывает. Зато fuga правит бал: чертова уйма голосов, интерпретирующих тему, только авторского нет.

Кстати, деление романа на «Токкату» и «Фугу» навеяно Филипенко – тот объявил свою «Травлю» сонатой и главы обозвал соответственно: «Главная партия», «Связующая партия», «Побочная партия» и проч.

Пора бы и к делу. Если сочинитель позволяет себе пассажи вроде *«моментов душевной яичницы»*, – толковать больше не о чем: литература отсутствует по определению. Давайте я вам просто текст перескажу: спойлер, уверяю, окажется убедительнее любого анализа.

Поначалу во все тяжкие солирует Кристина Гептинг: абьюз-инцест-педофилия-газлайтинг. В общем, сплошное #MeToo и прочие семейные obscenности, как выразился кто-то из рецензентов «Сестренки». Впрочем, Роман Сергеевич не так прост, чтобы тупо копировать чужое. Бр-рутальный протагонист, прораб Михаил Ромин (и кто его знает, на что намекает?) мается затейливой, на зависть Крафт-Эбину и Лев-Старовичу, перверсией: хочет собственную дочь, – но если та будет мальчиком. Поэтому девочку Киру коротко стригут, отлучают от музыкальной школы и отдают в секцию каратэ: *«Ты, главное, люби отца, как он тебя любит. Ты, главное, будь мужиком, Кирюша, времена сейчас лихие. Кто-то выживает, а кто-то нет. Надо, надо крепчать, Кирюша»*. Правда, Кирюша и не думала крепчать, осваивая киб-дати и сэйкен-цуки. Всерьез озабоченная отроковица предпочла японскому мордобойу уроки *«небесного каратэ»*. Проще говоря, наставила папе ветвистые рога с тренером, что развесил ей по ушам астральный удон.

Давно говорю: эротические сцены – лакмусовая бумажка литературного мастерства. Тут Богословский, ясен пень, оставил далеко позади всех птенцов гнезда левенталева. Куда им, дилетантам, до штопором закрученных метафор: *«Я – горный ручей. К моему берегу подходит большой черный конь. Он опускает морду в мои воды – и жадно пьет из меня. Мостик разлетается на куски, обломки дерева и конь падают прямо в меня, тонут во мне, моя вода вздымается вверх огромной волной. Расплескивая воду по берегам, боль прокатывается через мое нутро, словно ток»*.

Р.Б., сам того не замечая, всеми колесами въезжает в пародию: если б я имел коня – это был бы номер, если б конь имел меня – я б, наверно, помер. Но как прикажете понимать обломки дерева? Автор, дай ответ! – не дает ответа.

Простите, отвлекся. Как только ревнивый прораб узнал, что его Кирюша *«стала высшим божественным светом»*, сэнсэя-проказника нашли без головы, и сэйкен не спас. После чего девочка сбежала из дому, баловалась бухлом и веществами, потом стала пациенткой психотерапевта... короче, подробности у Гептинг. Во всем, знамо, виновато сраное мужло: и у папы крыша набок, и тренеру вечно *«черные психологи»* мерещились. Под занавес отец находит беглую барышню и силком увозит в неизвестность. Конец первой части.

В первых строках второй части слово берет глянцевого до рези в глазах Анатолий Тосс. Надеюсь, помните: альпийский или, на худой конец, средиземноморский курорт, белокурые друзья и рыжие враги, high life и центнер бисквитно-кремовой любви. Богословский приглашает публику в укрытый горами юго-западной Турции элитный отель Gizem Palace. Название в переводе с турецкого сулит мистику... а индейскую народную избу видали? Тут вам не «Оверлук» с мертвяками, тут гнездо растленных буржуинов и утонченного порока. Там девочки танцуют голые, там дамы в соболях... С тех пор, друзья-ребята, не сплю я и не ем: уж как бы мне увидеть эту самую Gizem?!

В сад земных наслаждений прибывает хозяин отеля Дмитрий, нечистый на руку строительный магнат в международном розыске. А вместе с ним некто Андрей – издерганный, депрессивный, с пригоршней колес в кармане. На 158-й странице автор выдает-таки секрет Полишинеля: Дмитрий в прошлом носил фамилию Ромин, а что до Андрея, так это Кира с насильно пришитым... э-э... ну, вы поняли. Мечты сбываются – круче, чем в слогане «Газпрома». Для справки: точно такую же интригу с переменной пола и сдвигом по фазе года два назад отработывала Анна Немзер в «Раунде».

Богословскому решительно нечем занять сладкую парочку, и он заселяет текст совершенно ненужными статистами: лесби-сатанистка Гюль, влюбленный в нее Эдиз, безымянный доктор, секьюрити Алексей и Шахин... Миссия у всех более чем скромная: сказать «кушать подано» да прямиком на плаху, – и лучше выдумать не мог. Трупов, включая Дмитрия-Михаила и Андрея-Киру, в финале хватит на небольшой морг. А в эпилоге явится... минута на размышление, время пошло! – все равно не угадаете: Тарантино. И будет снимать pulp fiction про все эти непотребства. И Дуэйн The Rock Джонсон процитирует Boney M: *«Ох уж эти русские»*, – и задумчиво посмотрит в небеса. Ново – аж до оскомины.

Виноват, поторопился: до эпилога нам надо встретиться с очередным соавтором. И очередным селебрити: в Gizem Palace прибыл Томас Нойвирт ака Кончита Вурст. И не просто так, а с миссией посрамить Александра Дугина, что написал ей (ему?) брезгливое письмо: *«Может, переслушаешь пару альбомов Queer и возьмешься за дело, вместо того чтобы ломать голову над тем, сесть тебе в сортире или стоя мочиться, фрау Вурст?»* Австрийская месть ужасна: *«Томас-Кончита, виляя бедрами, стянул джинсы и трусики-бикини, улегся на стол, привычным движением развел ягодицы. Как только Дмитрий вошел в пещера и тот издал свое сладкое “ах”, гости бросились к портрету Дугина и стали выливать на него мочу, каждый из своего стакана. Толпа орала, визжала, лила на портрет Дугина мочу. Через минуту еще четыре пары мужиков и несколько пар загорелых красоток трахались у всех на виду. Остальные плевали в портрет, били его»*. Узнали брата Колю? – точно, Платон Беседин, «Книга греха».

Лет семь назад в дебютной повести «Мешанина» Р.Б. хихикал над интертекстом и трэшем: *«Берем книги, кромсаем, смешиваем с просроченным йодом, тухлыми яйцами, остатками супа, отбеливателем, молимся над получившимся и обливаем всем этим людей»*. Новое время – новые песни, как сказал еще один классик. Нынче все пошло в работу: и аллюзии с парафразами, и копеечный эпатаж, способный фразировать лишь депутата Мизулину да особо нервных ветеранов педагогического труда. Хотя на полке у Левенталья и такая дешевка – комильфо.

Кстати, об эпатаже: Лермонтов не все приладил к слову «разврат» эпитет «ребяческий». Пишет Богословский по-детски неуклюже, будто пионер-литкружковец. Образцы стиля:

«Он прицелился в меня в детстве и выстрелил в юности. Потом оципал потроха и стал разделявать», – потроха, значит, снаружи были? Новая анатомия: Хармс уволен без выходного пособия.

«Зрачки Эдиза задергались, сгрудившись в верхней части глаз», – новая анатомия, часть вторая: сколько у этих басурман зрачков в каждом глазу, если они могут сгрудиться?

«Горы, поросшие хвоей», – новая анатомия кончилась, на очереди новая ботаника. Хвоя, оказывается, вполне автономный биологический вид – ей-Богу, открытие тянет на шнобелевку. А вот про метонимию не надо: не тот случай. Наружные потроха мешают.

«Будешь снимать последние сливки с остатков разума человечества, податливого и размягченного, словно протухший кефир» – а свежий кефир, он твердый, да?.. Роман Сергеевич, заходите как-нибудь в гости – погрызем!

«Токкату» редактировала Аглая Топорова – и давно лютый брак называется редактурой?

Впрочем, это вопрос второстепенный. Спрошу о главном: к нам сегодня приходил гомо-зоо-педофил, – а зачем? Устроить цирк с конями? Прочитать сочинение «Мои любимые книжки»? Слышь, мужик, ты чего сказать-то хотел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.